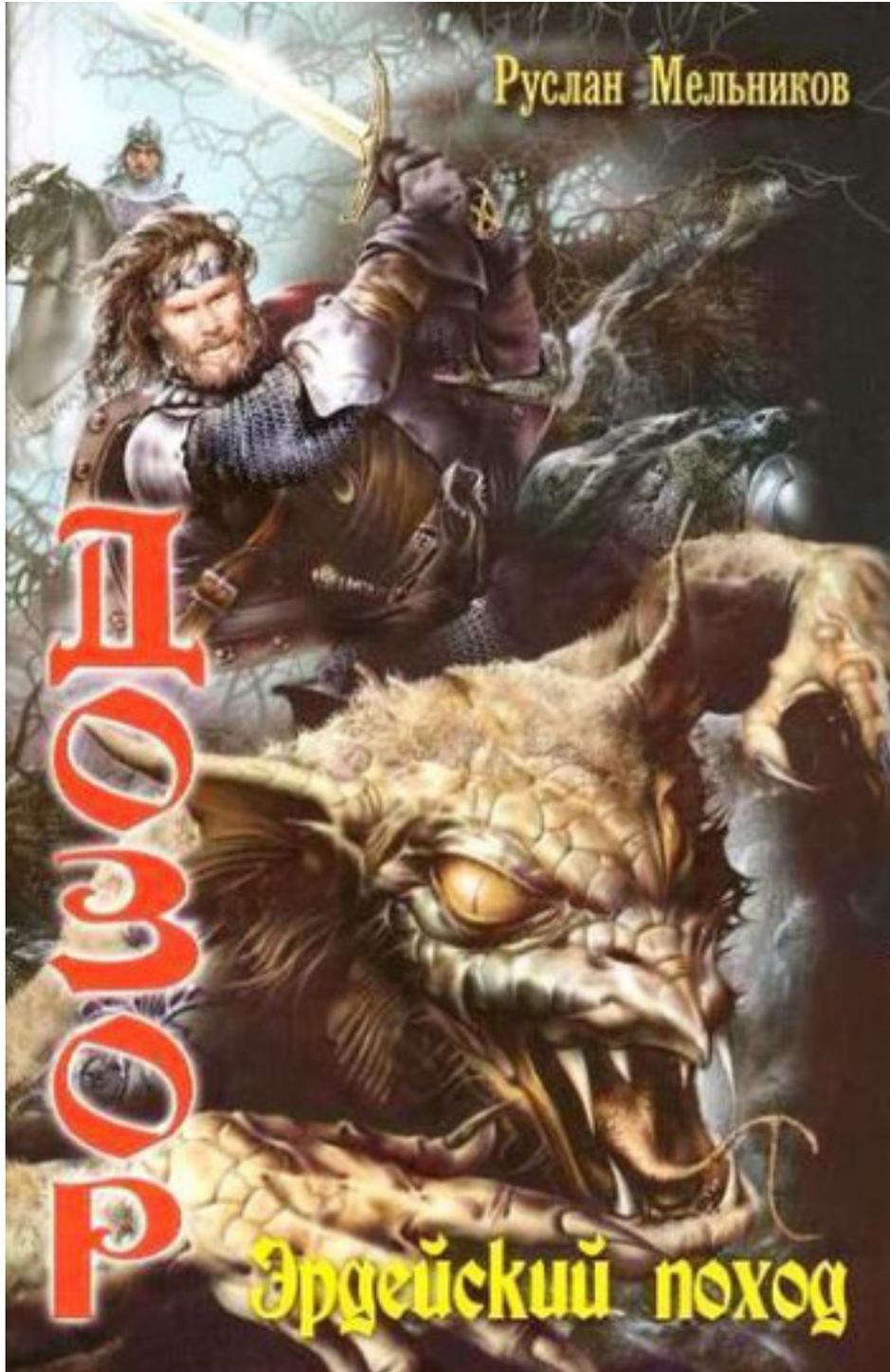

Руслан Мельников

ДОЗОР

Эргейский поход

Дозор

Руслан Мельников

Эрдейский поход

«Автор»

Мельников Р. В.

Эрдейский поход / Р. В. Мельников — «Автор», — (Дозор)

Об ужасах далекого края, именуемого Залесьем, Эрдеем, Семиградьем или Трансильванией известно всем. Но вот о том, как все начиналось, знают немногие... Всеволод – обоерукий боец одной из сокрытых Сторож, хранящих не границы княжеств, а заветную черту, издревле проведенную кровью между людским и нелюдским обиталищами, отправляется в Дозор. Именно ему надлежит вести подмогу на запад, к тевтонскому замку, построенному на краю угорского королевства, ибо Набег начался. И само воплощение зла – Черный Князь, Черный Господарь, Баравр, Шоломонар, Нахтриттер – готовится вступить в человеческое обиталище. Книга публикуется в новой редакции.

© Мельников Р. В.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Руслан Мельников

Эрдейский поход

Глава 1

Напрямую, в лоб, шли двое. Третий атаковал справа. Еще один наступал слева. Всеволод вертелся ужом, уворачивался, уклонялся, парировал удары двумя длинными тяжелыми клинками. Держался. Пока держался...

Всеволод был из особых воинов. Обоеруких. Опасных и в одиночном бою и в сплошной рубке рать на рать. Такие, как он, идут впереди дружины, перед стеной щитов, чтобы хватало место для размаха и чтобы ничего не помешало сверкающему булату выписывать смертоносные круги.

Или прут в одиночку против двух-трех противников сразу.

Или против четырех, как сейчас...

Конечно, при необходимости Всеволод, мог драться и одной рукой – одинаково ловко хоть правой, хоть левой – во второй сжимая щит. Но все же не для того он обучался двуручному бою, чтобы прятаться в сече за увесистой доской, обтянутой кожей и обитой металлом.

Да, щит хорошо укрывает от вражеского оружия, но и отягощает тоже, лишает скорости и маневренности, делает воина неуклюжим и неповоротливым. Снижает количество пролитой вражеской крови вдвое. Как минимум вдвое. А это непозволительно, если врагов больше. Нет, задача обоерукого – быстро и точно разить супостата сразу с обеих дланей. А уж коли потребуется, то и лучший щит для обоерукого – меч.

Два меча.

И вот... Клинки со свистом рассекают воздух. Пляшут. Звенят. Долго уже. Очень. Противники – опытные, тренированные, из самых лучших. И действуют четко, грамотно, слажено. Жестко.

Обходят, прижимают щитами. Рубят и колют мечами.

Главное – не пустить никого к себе за спину. Всеволод не пускал. Отступил к дубу – кряжистому, разлапистому великану. Ствол в три-четыре охвата надежно прикрыл тыл. Тут уж не обойдут. Никак.

Плохо только, что усталость дает о себе знать. Привычная тяжесть доспехов уже не просто ощущается – давит на тело. Будто из толстых свинцовых блях броня кована. Да и рука... обе руки уже утратили былую легкость, немеют от бесчисленных ударов. Своих и чужих, принятых на свои клинки. Но ведь и противники тоже подустали. Не так яростно насакаивают, как по первоначальному. Дышат под шлемами тяжело. Даром что вчетвером на одного.

Ладно, пора кончать забаву. Тот, что слева, вылезает вперед дальше других. Открывается в замахе больше, чем следовало бы.

Всеволод спиной оттолкнулся от дуба, скользнул между двумя клинками...

Сухо и сильно – даже в шлеме слышно – сталь ударила в дерево. Теперь в дубовой коре останется глубокий след.

... в ложном выпаде поднырнул под третий...

По наплечью чиркнуло. Слегка задело, самую малость. Не страшно.

... и резко уйдя влево, ткнул под чужое зеркало. В брюхо замахающегося мечника.

Животы нападающих защищают нижние пластины панциря. И кольчужная рубашка. И толстая поддоспешная куртка. Но Всеволод бил-колол тяжелым мечом во всю силу.

Как учили.

Противник, охнув, отшатнулся. Обрушивающийся в ответном ударе клинок ушел в сторону.

Всеволод добавил. С другой руки. Вторым мечом. Сверху вниз. Да наискось. Да по закрытому шлему с полумаской.

На гладкой полированной поверхности стального купола, явственно обозначилась вмятина. Оглушенный противник рухнул навзничь.

А Всеволод уже уходил от запоздалых ударов, путая смешавшийся вражий строй. Щиты нападавших стукнули друг о друга, не дали успеть, помешали достать.

Клинки безрезультатно рассекли воздух.

Один, второй... Скрестив свои мечи, Всеволод поймал между ними оружие третьего противника. А поймав – вывернул, выковырнул из уставшей кисти.

Меч упал.

Щит остался. Но что такое щит без меча?

Миг – и подле оброненного клинка в притоптанной траве распластался его хозяин.

С двумя оставшимися ратниками расправиться было проще. Два меча против двух мечей – это ж поровну. Ну, почти. Даже если одну пару держит один обоерукий боец.

Двигался Всеволод быстро, резво, будто и не уставал вовсе. Но на самом деле – вкладывал в боевой танец последние силы.

Обошел, обскочил медлительных воинов с тяжелыми щитами. Слева.

Его обойти не смогли. Он – смог.

Ближайший противник замешкался, не поспевая за скорым соперником. Развернулся. Прикрылся впопыхах. Но не так, как нужно. Тяжелая полоска стали свистнула над верхним краем щита, обрушилась между бармицей и наплечником.

Еще прежде, чем осел третий ратник, на четвертого – последнего – обрушилось сразу два меча. Защититься он сумел только от одного.

Теперь в траве лежала вся четверка.

– Все! – хрипло выкрикнул Всеволод.

Бросил наземь мечи – простые, тупые, без изысков, без насечки, без заточки, кованые специально для воинских упражнений. Но при этом – точные копии его боевых клинков. И по длине, и по весу, и по форме.

Всеволод потянулся снять шлем.

Водицы бы сейчас испить. Родниковой. Холодной. Сладкой. Хоть глоток...

Двое поверженных противников, кряхтя и пошатываясь, поднимались на ноги сами. Двоих из-под дуба уносили отроки из младшей дружины. За строй ратников, наблюдавших схватку, за осиновый частокол Сторожи уносили – к травнику и костоправу дядьке Михею.

Все...

– Не все! – властно прогремел за спиной знакомый голос.

Всеволод обернулся. Ох, худо! Водицы ему сейчас точно никто не поднесет. А вот что поднесут вместо нее и за какую такую вину – Бог весть.

На Всеволода смотрел, неодобрительно покачивая головой, сторожный старец-воевода Олекса. Волосы у старца – длинные, седые, что твое серебро, повязаны узким кожаным ремешком, чтобы не падали на глаза. На лице – густая сеть глубоких морщин. Но при всем при том Олекса могуч, как дуб, что давеча прикрывал Всеволоду спину. Плечи под простой холщовой сорочкой – косая сажень. Ручищи бугрятся мышцами и не желают знать старческой дряблости. Пудовые кулаки быка свалят. Глаз – ясен. Разум – тверд. И в движениях на воинских играшках, в учебе или в сече, Олекса быстр и ловок – юному отроку не угнаться. Тело крепкого старика, изрядно закаленное в ратных трудах, не спешило расставаться с накопленной про запас недюжинной силушкой.

Подле воеводы стояли двое. Один – высокий, второй – пониже. Странно... Нездешние, незнакомые. Всеволод никогда прежде на Стороже их не видел. А ведь чужаки сюда забредают крайне редко и лишь тогда проходят тайными тропами, находящимися под неусыпным наблюдением дальних дозоров, когда сам Олекса того пожелает.

Впрочем, на этих двоих Всеволод глянул лишь мельком – не до гляделок сейчас. Потому и рассмотрел так... в общих чертах. Однако и того хватило.

Пришлые стоят чуть позади старца-воеводы, но держатся с достоинством. Особенно тот, что повыше. Ну, прямо, гости важные. И не из близких краев. Иноземные гости. Одежда, вон, какая-то чудная виднеется из-под края запахнутых дорожных плащей. Не наша одеженка-то. Русичи такой не носят. И облик, опять-таки...

– Не все, – повторил воевода. – Подними мечи, Всеволод!

Захотелось стонать. Ан – нельзя. Перед Олексой – нельзя. Да и перед чужаками, что плятятся на него... Всеслав сцепил зубы. Сглотнул сухую слюну, норовившую стать поперек горла шершавым комом.

Поднял клинки.

– Илья! – уже выкликивал следующих бойцов Олекса. – Федор! Дмитрий! Лука!

Еще четыре ратника в полном доспехе и с затупленными мечами в руках выступили из строя.

Всеволод вздохнул: старец снова выбрал для боя на железе лучших десятников Сторожной дружины. Стонать хотелось пуще прежнего. А еще – выругаться похлеще, да позакывристей.

Всеволод удержал при себе и стон, и брань. Отчаиваться и расходовать силы понапрасну перед очередным испытанием – неразумно.

Собрался. Попытался хоть немного восстановить дыхание, стряхнуть усталость.

И опять противники подступали полукругом. Мягко, пригнувшись, чуть не вприсядку подступали. Шаг в шаг. Выставив мечи вперед. Осторожно шли. Еще бы им не осторожничать. Видели ведь, чем закончился первый бой...

Против Всеволода в последнее время часто выставляли четверых. Больше – особого смысла нет: обвешенные броней и щитами ратники начинают мешать друг другу. А для меча ведь размах нужен. И быстрая рука. И чтоб – ничего под мечом и под рукою.

Но никогда еще старец не гнал вторую четверку сразу же, вслед за первой. Прежде давал передохнуть. Сейчас – не дал.

Всеволод попятился к спасительному дубу – выиграть еще хоть немного времени, отдышаться после первой схватки.

Поздно! От дерева его уже отрезали.

Взяли в кольцо. В квадрат. Встали по четырем концам света. А в центре словно стрелка из хитрого заморского прибора, что всегда ищет север, крутится Всеволод. И вертит мечом в каждой руке.

Снова заплясали и зазвенели клинки.

Первого – Луку – Всеволод повалить все же смог. Внезапным и коварным ударом. Низким – по ногам. Тупая сталь прогудела по дуге над помятой травой. Ударила под щит, в левый понож. Сильно ударила. Как косой скосила не успевшего вовремя подпрыгнуть Луку.

Но тут...

– Иван! – рокотнул голос старца-воеводы.

Прихрамывающий Лука отступил. Его место занял новый боец. Десятник Иван.

Вот как?! Всеволод бился уже на пределе сил. Вот, значит, как?!

Кто-то дотянулся-таки до правого предплечья, но тупое острие, чиркнув по доспеху, скользнуло в сторону. Удару не хватило мощи.

Но уже следующий миг, сразу два меча сильно и ладно обрушились на клинок в левой руке Всеволода. Рука клинок удержать не смогла.

Обоерукий воин остался с одним мечом.

Всеволод перехватил рукоять оставшегося у него оружия двумя ладонями. Его удары стали реже, но сильнее. Только вот беда – теперь приходилось больше защищаться, чем нападать.

Изловчившись, Всеволод тоже выбил у кого-то меч. Кого-то задел по шлему. Но с ног не сшиб.

Противники, повинувшись очередному приказу воеводы Олексы, перестроились. Бойцы, которые только что наседали на Всеволода отступили, хрипло и тяжело дыша. В бой пошла новая четверка. Третья. Свежая.

Ага... Одни, значит, бьются, другие отдыхают. Потом меняются. И снова. На измор берут. И ведь возьмут же!

Всеволод с ног валился от усталости.

В этом ему помогли. Повалили. Сбили.

Зашли-таки сзади. И мечом по хребтине. Со всего маху...

Туп и неопасен, ну, почти не опасен учебный клинок, если бьешься в латах. Но по весу-то – как боевой. А если к весу тому приложить силушку богатырскую. А немощных в Сторожной дружине не держат. И потому каждый пропущенный удар выходит... В общем, будто булавой промеж лопаток засадили.

Всеволод поднялся не сразу. А и не торопили. Дали отлежаться. Отдышаться. Прийти в себя. Сил набраться.

Даже поднесли водицы. Шлем сняли. Напоить – не напоили, но прополоскать горло дали.

А вот доспехи скинуть не позволили.

Значит, еще не все. Значит, все только начинается.

Всеволод не видел, как пытливо смотрят на него гости старца Олексы.

Глава 2

– Так это он и есть, мастер Алекс? – к старцу-воеводе обратился высокий иноземец с худым носатым лицом. Иноземец говорил с сильным акцентом, по которому без труда можно было распознать германца.

– Он и есть, – кивнул Олекса, не поворачивая головы, – Всеволод Обоерукий. Лучший из всех, кого я смог подготовить. Силен, ловок и отважен. Умен и смекалист. Любую науку схватывает на лету. Язык ваш знает. А равного Всеволоду в бою не сыщется по всей Стороже. Волчью стаю в лесу в одиночку изрубит. И с супротивником поопаснее совладеет.

– Хорош, – согласился немец. – Долго продержался.

Олекса вздохнул. И – посетовал на хваленного:

– Долго-то долго. Но проку с того немного. Славный воин Всеволод – тут нечего сказать, да только вот ярости должной ему пока не хватает. Время теряет, вместо того, чтобы сразу врага валить.

– Вы несправедливы к своему ученику, мастер, – покачал головой иноземец. – Ярость – дело наживное. А перед сейчас Всеволодом не враг. Не оборотень-вервольф, не кровопийца-нахтцерер, не Рыцарь Ночи. И он это прекрасно знает.

– А я бы предпочел, чтобы взяв в руки оружие, он забывал обо всем. В битве, хоть бы даже и в учебной, излишние знания и ненужные размышления вредны и обременительны.

– И снова позволю себе не согласиться с вами. При всем уважении и почтении, мастер Алекс... Умение сохранять в горячке боя трезвость рассудка и хладность крови зачастую бывает полезнее слепой ярости.

– Вы, немцы, всегда ставите рассудок превыше всего, – поморщился старец. – А по мне, тот, кто должен убивать – не важно, нечисть или людей – пусть делает это быстро, без раздумий и колебаний. И пусть приучается к тому сразу. Но оставим этот никчемный спор. Я скажу так. Не готов еще Всеволод, к чему будет призван... Недостаточно готов. Однако времени для дальнейшего обучения нет. И все равно некому больше вести дружину к Серебряным воротам.

– Я думаю, он справится, мастер Алекс.

– Будем надеяться, – тихо сказал Олекса. – Ничего иного не остается.

На собеседника он так и не взглянул.

– А сейчас – пора.

– Последнее испытание? – понимающе спросил немец.

– Последнее, – кивнул старец. – Испытание.

Всеволод к тому времени снова стоял на ногах. Мечи еще лежали на земле, шлем он держал в руках. Но Всеволод был готов. Биться с очередной четверкой. И со следующей, и с новой...

Но не к тому, что произошло.

Вместо четырех обвешанных доспехами противников против него выступил один. Без лат.

Седой старик выступил. С тяжелым тупым мечом.

И это было хуже всего.

Старец-воевода Олекса – боец из бойцов. Это Всеволод знал хорошо. Это хорошо знала вся дружина. Олекса неоднократно показывал им, на что способен. И что должны уметь хотя бы в полсилы, хотя бы в четверть силы другие воины Сторожи. Наука эта давалась тяжело и дорого. Горе было тем, кто по нерасторопности или неразумению попадал на тренировках под меч воеводы. Пусть даже тупой.

Меч Олексы пощады не знал. Меч Олексы калечил и надолго отправлял неловких, непроворных и непонятливых дружинников в избу костоправа-травника. Бывали и убитые. Тогда

приходилось искать достойную замену и пополнять Сторожное братство новыми воинами со стороны.

Зато остальная дружина училась.

А Всеволод был самым способным учеником. Избу лекаря дядьки Михея он по сию пору изнутри не видел ни разу. Не довелось. Бог миловал.

Олекса подошел ближе.

– Воевода... – Всеволод растеряно захлопал глазами.

Нет, он не испугался. Точнее... честнее – и испугался тоже – дрожь вон какая прошла волной по спине и рукам, но боялся сейчас Всеволод не только за себя.

– Воевода?!

Ну, как же так? Без доспеха, в одной лишь сорочке – и в бой на железе!

И хотя никто никогда в учебных боях не мог даже задеть старого опытного воина, все же...

– Слушай меня внимательно, Всеволод, – голос старца был по обыкновению сух и неприветлив. – Слушай и запоминай. Если что непонятно – спрашивай. Ибо сначала мы будем говорить...

А потом – драться? Всеволод закрыл рот. Подобрался. Он слушал...

– Ты одолел пятерых. Лишил меча шестого. Едва не свалил седьмого. Это очень хорошо...

Пауза. Слова старец ронял отрывисто и скупое. Как всегда на важном уроке.

– Для обычного воина – хорошо.

Пауза.

– И это неплохо для обычного ратника Сторожи...

Еще пауза.

– Но этого мало, недостаточно этого для лучшего бойца моей дружины.

Долгая пауза. Всеволод внимал. Такое слушать было приятно. И – тревожно.

– Первое, – Олекса перешел к делу и заговорил быстрее. – Долго возишься. Слишком долго. Непозволительно долго.

Да... На ошибки своим ученикам Сторожный воевода указывал всегда. Даже когда те после жестоких тренировочных боев скрипели зубами от боли, обмотанные с ног до головы целебными припарками дядьки Михея.

– Не выжидай, пока враг истомится, Всеволод. Старайся одолевать в самом начале боя. Супостат, против которого тебе рано или поздно предстоит биться, выносливее человека. Его не вымотаешь. Скорее уж – он тебя. Время всегда будет на его стороне. Если ты не победишь его сразу – сам падешь побежденным после.

– Но как обучиться бою, если валить супротивника сразу, не дав ему поднять меча, – рискнул вставить слово Всеволод. Разрешено ведь...

– Одних повалишь – других против тебя выставлю, – сурово ответил старец. – Людей в дружине хватает. Ради чего здесь, думаешь, столько народу собрано?

– Так это... – Всеволод даже растерялся от такого вопроса. – Порубежье ж хранить...

– Ну да, для этого тоже. А еще чтобы лучших из лучших обучать. Таких как ты, дурень. Одни калечатся, чтобы другие воинское искусство через пот и кровь постигали. Через свою и через чужую кровь. Чтобы, когда придет срок, эти другие стоили сотен тех, одних.

Всеволод сглотнул, кивнул. Одни калечатся, значит, чтоб другие постигали? Понято. Принято... Слова неожиданные, новые, важные, и не все сказаны. Обдумать и взвесить подобает такие слова. Но это позже...

– Второе, – продолжал Олекса. – Опять уповаешь на дуб за спиной.

– Как же не уповать-то воевода, – Всеволод вновь осмелился молвить в свое оправдание. – Если четверо сразу...

– И что с того, что четверо? – свел брови старец. – Оборотень-волкодлак будет метаться вокруг и нападать на тебя с восьми сторон. Упыри – те и вовсе в кольцо зажмут и полезут отовсюду сплошной толпой. Помни, чему я учил: каждый отбитый здесь, на тренировке, меч – это срубленная рука темной твари в настоящем бою. Но у нечисти – две руки и они к тебе сразу обе потянутся. А у упырей, к примеру, лапа вдвое-втрое против человеческой вытягивается. И на каждой цапалке – пяток когтей, что твой засапожник. И помимо рук еще пасть, клыков полная, имеется. Посему не мечи отбивать старайся – не руки рубить, а то, из чего они растут. Голова и тулово – вот твоя главная цель. А чтоб достать до них, не у дуба стоять-выжидать нужно, а самому нападать. И пошустрее.

«Да уж куда шустрее!», – подумал Всеволод, вспоминая свои стремительные движения и не поспевающих за ними медлительных противников. Однако в этот раз он решил промолчать. Со стороны ж, наверное, виднее. Тем более старцу-воеводе.

А Олекса продолжал:

– Волкодлаки и упыри – это еще цветочки. Так, разминка перед главным боем. А вот коли против тебя сам Черный Князь выйдет, тогда тебе вовсе тяжело придется. Он один четырех-пяти добрых бойцов в сече стоит. Таких как вот ты сейчас. А то и полдюжину собой заменит. А то и десяток целый. Оттого тебе два меча сразу в руки дадены, Всеволод. Вертись, двигайся. Помни – не всегда и не везде будет опора и защита для спины. А ну как в чистом поле с самым лютым ворогом сойдешься? Да один на один? А ну как при Черном Князе еще и кровопийцы его будут, а тебе некому окажется тыл прикрыть? И дубок, к которому ты все спиной липнешь, здесь останется. Привык ты к нему дуже, Всеволод. А как оттеснили тебя от дерева – так и пропал.

Олекса качнул пальцем перед его лицом:

– Крутился бы ты пошибче, махал бы клинками ловчее – глядишь и не получил бы по хребтине.

Всеволод кивнул еще раз. Вообще-то, все правильно говорит старец.

– И мечи держи покрепче. Устал, на ногах не стоишь, двигаться не можешь – встань на колено. Не зазорно то, коли для победы нужно. Сядь. Ляг, в конце-концов, но меча выпускать не смей. И не позволяй выбить. Ты – обоерукий и в том твое главное преимущество. Помни: два клинка завсегда лучше, чем один. Так же как один лучше, чем ничего. Без мечей в схватке с нечистью – верная смерть, и никакая броня тебя от нее не спасет.

Снова – молчаливый кивок. Согласный кивок.

– И самое главное, Всеволод. – Олекса смотрел на него в упор. – Не давай ни единой возможности до себя дотянуться. Тебя нынче один раз с ног сшибли. А бейся ты с темными тварями – трижды уже лежал бы неживым.

Всеволод удивленно поднял глаза.

– Трижды?

– А ты думал! У тварей темного обиталища когти цепкие, крепкие. Если уж цапнут – пиши пропало. Сегодня тебя чуть задела по наплечной пластине. Нечисть выдрала бы наплечник вместе с плечом. Дотянулись до руки. Темные твари и руку бы оторвали, и бочину под ней пропоролы бы. Ну, а этот удар по спине... Выковырнули бы тебе позвоночник с мясом. А Черный Князь – и вовсе тебя бы того... напополам. Сделали бы он из тебя, Всеволод, двух Всеволодов. Как пить дать, сделал бы!

Да, умеет воевода Олекса убеждать, ох, умеет.

– Ну, а теперь, пожалуй, начнем...

Старец-воевода качнул в воздухе тупым учебным мечом, принаравливаясь, к оружию. Все, время разговоров вышло.

– То, что было прежде – было забавой, – тихо и твердо промолвил Олекса. – Теперь будет бой. Надень шлем, Всеволод, и приготовься. И постарайся в этот раз не оплошать. Иначе... Худо будет иначе.

Руки сами поспешно натянули шлем. Звякнула о наплечье тяжелая гибкая сетка бармицы, плетеной из толстых прочных колец.

«Теперь будет бой». Что-то в голосе воеводы заставило Всеволода забыть о преклонном возрасте Олексы. И о том, что противников сейчас не четверо, а лишь один. И что в руках того противника – единственный меч. И что Сторожный старец-воевода даже не прикрыт броней.

Да, бой будет. В полную силу. Настоящий. Тяжкий. Для него, Всеволода, тяжкий, а не для этого могучего старца. Бой который запросто может закончиться избой костоправа, а может – могилой. И что мечи не заточены, сейчас совсем неважно.

Одни калечатся, другие постигают...

Дружинники в строю притихли. Наблюдают.

Никогда и ни с кем еще старец Олекса не выходил вот так, один на один, на полноценную рубку-поединок, а не для наглядной демонстрации пары-другой хитрых приемов.

Вся сторожная дружина затаила дыхание.

Олекса напал...

Глава 3

Старец показывал невиданные чудеса воинского искусства. Непревзойденное мастерство боя на мечах. Неумолимую и неутомимую пляску смерти в мельтешении седых косм и тусклой стали.

Сторожный воевода, казалось, был сразу повсюду, со всех сторон.

Вот только что Всеволод едва увернулся от меча, прогудевшего перед самой личной-забралом, а Олекса – уже сбоку, справа, наносит новый удар.

Всеволод успел – отбил, отклонил, пошатнувшись при этом от обрушившейся сверху упругой звонкой мощи.

А старец – сзади. Опять бьет – сильно без пощады. Спину спас лишь вовремя подставленный через плечо клинок. Сокрушительный удар воеводы соскользнул по затупленной полоске стали, ушел в сторону.

Всеволод развернулся всем корпусом. И – вновь пришлось защищаться.

Темп боя Олекса задавал бешенный. С четверкой дружинников, в самом деле, биться было проще. Воевода рубил часто и сильно. Сверху, сбоку, наискось. Прямым. Косым. И тут же поддевал снизу. И колот резкими неожиданными тычками, способными коня свалить с копыт, не то что человека. В голову, в корпус, в руки, в ноги... О том, чтобы атаковать самому, не могло идти и речи. Уцелеть бы сейчас, отбиться, выстоять. А потом... быть может...

Если воевода и пропустит удар, то лишь единожды.

Пока не пропускат.

Один меч Олексы плясал и кружил шибче, чем два – Всеволода. Клинки обоерукого едва-едва поспедали за ним. И обоерукий, пожалуй, впервые в жизни пожалел, что бьется без щита.

Удары сыпались градом – только успевай отводить, да отскакивать. И какие удары! От таких все же лучше отскакивать. Не подставляться лучше под такие. И на свои мечи их лучше не принимать, если хочешь подольше устоять на ногах.

Всеволод скакал. Зайцем скакал. Да только в доспехах ведь долго не попрыгаешь. Глаза заливал пот. Воздуха под шлемом не хватало. Дыхание сделалось шумным, хриплым, жадным.

Верно говорил Олекса: не победишь супротивника сразу – падешь сам. Не от смертельного удара, так от усталости. Сначала – от усталости, а уж потом...

Бухало сердце.

И что-то снова подсказывало Всеволоду: пасть сейчас можно в самом, что ни на есть, прямом смысле. Никакая броня не уберезет от затупленного оружия, если оружие то держит рука Сторожного воеводы.

Нет, это был не учебный поединок. Чем-то большим это было.

Спасая себя, Всеволод отступал. Пятился. И выбирал момент. Единственный спасительный момент. Пока не выбрал, пока не поймал.

Под боковой удар слева в голову он подставил оба меча. Выдержал... А ведь будто булаву останавливать в воздухе пришлось.

Один клинок и два клинка со звоном и скрежетом отскочили друг от друга. Мелкой дрожью дрогнул булат и дрогнули руки.

Нечеловеческая сила воеводы обернулась против него же, заставляя удерживать, гасить энергию отбитого меча. Отвлекаться заставляя...

Но немалая часть той силы передалась и оружию Всеволода, отшвырнув клинки обоерукого вместе с обеими руками, с телом вместе. Всеволод не стал противиться подаренной силе. Он принял ее. Использовал.

Следуя за отлетающей сталью, Всеволод крутанул и себя, и вибрирующее в руках оружие, а затем, по широкой дуге...

Два меча ударили в холщевую сорочку на груди подавшегося назад Олексы. Мгновением позже, чем следовало бы, отшатнувшегося и отшагнувшего...

Два тупых острия достали, задели.

Вспороли.

И ткань, и кожу.

Ибо при таких ударах и затупленное оружие становится смертельно опасным.

Учебные клинки оставили на незащищенном броней теле два рваных красных росчерка.

Всеволод не успел удивиться.

Он? Ранил? Воеводу? Неузвимого, непобедимого старца Олексу?

Всеволод не успел испугаться.

Не сильно ли посек? Не покалечил ли?

И защититься не успел тоже.

Потому что уже в следующий миг...

Почудилось будто многопудовый блок крепостной стены обрушился прямо на шлем, круша и сталь, и кость.

И свет померк.

И мира не стало...

– ... большую ошибку, Всеволод, – такими словами приветствовал его старец Олекса на выходе из небытия.

– а-а-а-а-а-а-а, – простонал Всеволод сухими шершавыми губами.

На губах ощущался солоноватый привкус.

Кровь...

Какую на этот раз ошибку он совершил?

Голова болела жутко. Интересно, шлем выдержал или раскололся? Выдержал, наверное. Если бы нет – меч воеводы проломил бы и череп по самые зубы. Даром, что клинок не заточен.

– Никогда не успокаивайся, если поранил противника. Не останавливайся на полпути – добивай. Сразу. Помни – любой враг смертельно опасен, покуда жив. А нечисть – она живучее вдвойне, втройне. А уж ее Князь...

Речь Олексы текла как вода. Всеволод слушал урывками. Голова гудела.

«Если поранил противника, – засело в мозгу. – Ес-ли-по-ра-нил»

Всеволод рискнул открыть глаза.

Полумрак избушки травника. Что травника – догадался сразу. По пахучим охапкам сухих веничков, подвязанным к низкому закопченному потолку. Что тут еще? Огляделся...

Маленькое окошко, затянутое мутным пузырем. Широкие жесткие полати. Поверх досок – медвежья шкура. На нее он и положен. Другой шкурой прикрыт.

Рядом – скамья. На скамье – Олекса. Больше никого. Старец сидит без рубахи. Грудь перевязана. На белой чистой тряпице – красные разводы.

Значит, правда? Значит, в самом деле? Достал-таки он в бою воеводу! Поранил.

Всеволод попытался улыбнуться.

Бо-о-ольно...

Его-то самого тоже... Достали... Поранили... В голову. И хорошенько так!

Да, его тоже... Но ведь сначала он... воеводу... А этого еще не мог. Никто. Никогда. По сию пору.

Всеволод снова попытался выдавить улыбку. Опять не вышло. Проклятушая боль в голове! И колокольный гул под черепной костью.

– ... Даже издыхая, Черный Князь вложит всего себя в свой последний удар, – продолжал старец. – И он будет бить не так как я сегодня – в полсилы...

«В полсилы»?! Так, выходит, это было полсилы? Вот почему шлем и череп уцелели.

– Мне-то ты нужен живым, Всеволод, – сказал, словно угадав его мысли, Олекса. – А вот Черному Князю твоя жизнь без надобности.

Боль усилилась. Голова раскальвалась.

Полсилы... полсилы... полсилы...

– Скоро пройдет, – голос воеводы стал чуточку мягче.

Только Всеволод не верил. Не скоро. От таких ударов оправляются не скоро...

В полсилы ударов!

– Над тобой уже сказано заговорное слово.

Что ж, заговор травника – дело хорошее, но даже он...

– Моё слово, Всеволод. Заветное. Тайное.

Что?! У Всеволода глаза полезли на лоб. О том, что воевода обучен не только убивать, но и исцелять, дружина не знала. Никому еще этот свой дар старец Олекса не открывал. А вот ему – поди ж ты, открыл.

И ведь, в самом деле!

Боль, действительно отступала. Или так просто кажется? Нет, правда! Волны, терзающие изнутри ушибленную голову, накатывали реже и становились все мягче, милосерднее.

А если лечит Олекса так же умело, как и бьется на мечях...

– Спи, – сказал воевода. – Проснешься здоровым. А как проснешься – будешь собираться...

Куда? Мысли начинали путаться.

– ... отправишься в путь...

В какой? Да, боль уходит, но голову взамен будто набивают мхом или ватой.

– ... в дальний путь...

Зачем? Но задавать вслух эти и прочие вопросы сейчас отчего-то не хотелось. Потом, потом, все потом... Когда-нибудь...

– Приходит твое время Всеволод. В последнем бою ты прошел последнее испытание, и время твоего обучения закончилось. Но пока – спи.

Спи.

Спи.

Спи...

А вот это уже вроде и не старец Олекса шепчет. Кто-то в его собственной, Всеволодовой, многострадальной голове, чем-то мягким набитой, тихонько приговаривает. Глухо так, невнятно.

Спи...

Спать – хорошо.

И противиться тому нет ни сил, ни желания.

Боль ушла окончательно.

Пришел сон.

Странный сон. Колдовской. Заговоренный.

Не такой, как обычно, не такой, как раньше. Сон без сновидений. Только красным-красно было под закрытыми веками. Будто кровь одна лишь кругом, и будто тонешь в той крови.

Или уже не тонешь, а просто паришь, покачиваешься в ней. Покоишься. Как во чреве матери. Как в могиле.

И – уютно. И – спокойно так.

Красный сон длился долго.

Глава 4

Очнулся – как из стальной проруби вынырнул! Жадно глотнул воздуха. Задышал часто-часто. Пот ручьем лил со лба, стекал по вискам. В теле подрагивала каждая мышца и каждый нерв.

Сколько спал-то? Изменилось ли что? Всеволод глянул вокруг. Нет, все по-прежнему. Пряный запах сухих трав, полутемная горница, мусть пузыря в окне и коготь на потолке. Полати. Шкуры. Лавка. перевязанный старец-воевода. Сидит, где сидел, только улыбается и смотрит – непривычно так, приветливо.

Да, вокруг ничего не менялось. Что-то поменялось в нем самом. Что?

Голова не болит – вот что! Совсем! Ничуть не болит! Всеволод поднял руку. Тронул. Ничего, ну, то есть ничегошеньки, даже шишки мало-мальской нет там, куда угодил меч воеводы. Чудеса! И ваты-дурноты под черепашкой тоже больше нет. И вялости. И сонливости.

Бодрость есть. Сила, здоровье бычье, желание горы воротить, да деревья выкорчевывать. А нет – так хоть что-нибудь делать. Немедленно. И много.

Аж распирает всего!

Ай, да воевода, ай да старец Олекса. Таково, значит, твое заговорное слово! Крепок, ничего не скажешь, крепок тайный заговор у Сторожного воеводы. Столь же крепок, как и рука, в которой меч тяжеленный летает, словно птаха легкокрылая.

Всеволод откинул шкуру. Сел. Увидел свою одежду в углу. Хотел встать...

– Не спеши, – приказал старец. – Поговорим. Теперь – без мечей.

Поговорим? Всеволод вспомнил. Странные слова Олексы, которые слышал, засыпая. Или то почудилось, что слышал. Спросил:

– Мне нужно куда-то ехать?

– Нужно, – ответил воевода.

– Когда?

– Сегодня.

Всеволод снова кинул взгляд на одежду в углу. Опять попытался подняться.

– Но не прямо сейчас, – снова осадил его воевода.

– Куда ехать? Зачем?

– А вот об этом и будет у нас с тобой разговор, Всеволод. Тебе ведомо, что есть наша Сторожа, кем охраняется, от кого поставлена, и какое порубежье ей должно беречь?

Странный вопрос! Любому ратнику Сторожной дружины это известно. Сокрытая Сторожа возведена в самом центре Руси – в непролазных лесах и болотах между Черниговом и Брянском. В дремучем краю, затерянном среди земель Черниговского, Северского, Переяславского, Киевского, Пинско-Туровского, Полоцкого и Смоленского княжеств. На гиблую, не годную ни под пашни, ни под легкий промысел болотистую глухомань эту, издревле, к тому же – со времен живших здесь прежде вятичей – помеченную недоброй славой, не зарились ни князья, ни бояре. Разбойный люд – и тот сюда носа не совал. Самые отчаянные охотники-бортники не забредали. Страшно потому как обычному человеку там, где таятся следы великой волшбы, хоть и не понимает он, отчего берется тот страх. А тут таилось... Такое... Этакое...

Вот и огибал окрестный народец леса да болота десятой дорогой. Обходил, крестьясь и бормоча молитвы.

Ну, а раз нет ходоков, то и не знают ничего людишки об остроге с крепким осиновым частоколом. Не ведают черниговцы, северцы, переяславцы, киевляне и прочие соседи о воинах, несущих здесь свою службу. И о дозорах, что оберегают тайные подступы к лесной крепости, не подозревают тоже. А если даже и догадываются, то все равно не мешают, почитая Сторожных дружинников какой-нибудь лесной нежитью.

На самом же деле будущих воинов сокрытой Сторожи собирают из юных отроков по всей Руси. Посланцы Олексы специально ездят из княжества в княжество и по указанным старцем-воеводой приметам ищут тех, кто лучше других подходит для службы. Обычно берут сирот, не связанных сыновним долгом. А уж таких-то горемык на Руси всегда вдоволь. Особенно после голодных лет, мора, войн и нескончаемых княжеских усобиц.

Кого-то верные люди Олексы выкупают из холопской неволи, кого-то завлекают уго-ворами и посулами, кого-то – попросту умыкают, а самых неразумных-несогласных бывает, порой, и полоняют. Самого Всеволода увезли с родного пепелища. Аж из новгородских земель. Из небольшой деревеньки под Изборском, которую в очередном зимнем походе спалили дотла орденские братья-рыцари. Всеволод пошел в Сторожу сам, с радостью. Как посулили сделать воина из воинов – так и пошел. Думал отомстить немцам.

Так и водится: на кого посланцы Олексы глаз положат – тому идти из мира, от вечной нужды-нищеты, горя, отчаяния и лишений, к неведомой Стороже. А после – усердно обучаться разным наукам. Воинской – в наипервейшую и наиглавнейшую очередь. Причем, так обучаться, как и лучшим княжеским гридям не снилось. Обычному бою – пешему и конному, с любым оружием и без оногo. И бою с диким лесным зверьем. И особому бою со многими людьми, которые во время учебных схваток нелюдь из себя изображают и машут, якобы, не мечами, а лапами, а ты знай – отбивай, руби, не зевай. И темному бою, когда под разлапистыми елями в безлунную ночь или в дружинной избе с закрытыми дверями и окнами ни зги не видать, а только слышно свист затупленных клинков и нужно уцелеть и не остаться калекой.

Разным воинским хитростям учит Олекса, и после его уроков выживают не все. Зато уцелевшего в испытаниях сторожного бойца, пусть даже и не из лучших, любой князь с превеликой радостью возьмет к себе на ратную службу. И над десятком гридей поставит, и над целой сотней.

Олекса неохотно и редко, но все же отправляет часть своих воинов – не самых умелых, однако самых надежных и проверенных – в мир, строго-настроено запрещая при этом открывать тайну Сторожи. Дружинники старца-воеводы служат под чужими стягами недолго – лишь во время походов и набегов на соседей, порой пересекая одну и ту же границу в разных направлениях. Но, возвращаясь, каждый неизменно везет с собой и золотые гривны и доброе оружие, захваченное в боях, и серебра немалую толику, и прочую добычу, потребную для сокрытой Сторожи. А вместе с трофеями, добычей и щедрой платой за службу посланцы приводят и новых кандидатов в дружину Олексы.

Помимо воинской науки много еще чему в Стороже учат. И чтению премудрых книг, и письму, и о дальних странах рассказывают, и о великих деяниях прошлого. И самого, что ни на есть стародавнего прошлого – тоже. Лишь после долгого ученья возмужавших и набравшихся уму-разума отроков принимают в товарищество, из которого даже насильно приведенным уходить уже не хочется. Ибо Сторожная дружина Олексы хранит не границы княжеств, но иную, куда более важную, черту.

Это незримое порубежье появилось давно – чуть не в начале времен. Если верить преданию, в молодом и дряхлом одновременно мироздании где-то, как-то, по какой-то никому не ведомой причине треснула некая грань. И открылся проход. Проходы, вернее, сразу и в нескольких местах соединившие этот мир с миром иным – страшным и чуждым, не знающим солнечного света и населенным тварями вечной ночи.

Темное обиталище – так были названы запорубежные земли, откуда в давнем Первом Набеге хлынула поганая нечисть. Сначала – ненасытные оборотни-волкодлаки, первыми отыскавшие своим звериным чутьем разомкнувшиеся бреши. За ними – алчущее человеческой крови упыринное воинство. А уж после следовал сам властитель тьмы, не имеющий единого имени, но в русской Стороже нареченный Черным Князем, ибо всюду, где ступала его нога, его же княжение и воцарилось навечно.

Проходы разверзались каждую ночь, когда тьма соединяла оба мира. Но в те далекие времена еще было кому преградить путь нечисти. В проклятых проходах вместе с бесстрашными воинами ушедших веков непоколебимыми стражами встали колдуны и маги. Истинные, Первые, Изначальные – не чета нынешним. Могущественные мудрые Вершители, чье слово срывало горы и обращало вспять реки.

Предание гласит: в проходах вскипела битва. Великая битва, длившаяся не одну ночь. И бурлящие водопады черной и красной крови, низвергнулись в оба мира. И многое смешалось. И нечисть теснила людей, и люди теснили нечисть. И одни через прореху миров заходили в обиталище других. И другие прорывались в чужое обиталище.

Во время той сечи Изначальные своею собственной рудой-кровью провели заветную черту там, где сомкнулись обиталища людей и нелюдей. Заговорными словами укрепили границу. И тем заперли проходы и склеили трещины миров, на века отделив то, что не должно соприкасаться. А после – спрятали запертое и отделенное.

Нечисть, успевшая вырваться из темного обиталища до того, как появился заслон, еще долго беспокоила род человеческий. Но самого ужасного удалось избежать: Набег был остановлен до вступления в этот мир Черного Князя.

Со временем колдовское племя, спасшее мир, утратило прежнюю силу, растеряло сокровенные знания, измельчало, рассеялось, разбежалось, занялось суетными делами, ища в даре чародейства лишь собственную выгоду, а наблюдать за проходами поручило простым воинам. Воины набрали дружины, стали Сторожными воеводами. И с тех пор передают свои знания лучшим из лучших.

Так говорил старец Олекса.

А еще он говорил, что изрядно разбавленная и лишенная былой мощи кровь Изначальных по-прежнему течет в жилах многих волхвов, ведунов и ведьмаков. Некоторым из знатоков колдовской науки известны даже заветные заклинания, произнесенные Изначальными Вершителями на росчерках своей руды. Но едва ли нынешним магам достанет сил сотворить хотя бы малую толику деяний Изначальных. А уж для того, чтобы заново прочертить границу в проклятом проходе, нужно обескровить столько их потомков, сколько, верно, и не ходит нынче по Руси-матушке.

Новую рудную черту им уже не провести. Но вот порушить старую... С этим справится и один посвященный. Если дремлет в нем еще часть древней силы. И если найдет он заветную границу – то непременно справиться.

Ломать оно ведь всегда проще, чем строить. Тем более, ломать древнее, возведенное тьмы лет назад. Чтобы взломать границу, закрывшую проклятые проходы, посвященному колдуну – потомку Изначальных, всего-то и надо что пролить кровь на кровь и сказать слова на слова. По прошествии стольких веков, черту, проведенную сильной кровью и сильной магией, способна размыть даже слабая кровь и слабая магия.

Тогда заветная грань истончится. Закрытое порубежье затрещит, а со временем – вновь зазияет брешью. И чем сильнее будут заговорные речи колдуна-изломщика, чем громче в них зазвучит исступление, ярость и одержимость, чем щедрее прольется руда хоть бы с малой толикой Изначальной силы, тем вернее откроется путь темным тварям.

Потому-то и стоят Сторожи по миру. Потому стерегут они заветную пограничную черту от посягательств неразумных колдунов. И открывать непосвященным секрет своей лесной крепости старец Олекса не спешит по той же причине. Ну, и само собой, если вдруг случится новый Набег, то именно Стороже на границе миров – первой давать отпор темным тварям.

Вообще-то Сторожи поставлены не в самих проходах между обиталищами – там, на пропитанной древней кровью и древним колдовством земле, простому человеку без Изначальной колдовской же силы долго находиться тяжело. Сторожи стоят чуть в стороне. Но так, чтобы

видеть весь проклятый проход. И чтобы видеть всякого, идущего к нему. И чтобы идущего – упаси Господи – из него, вовремя узреть тоже.

Дозорные не смыкают глаз ни днем, ни ночью. И дружины – всегда наготове. И Сторожные воеводы ждут...

Сторожа старца Олексы стоит над бездонной и безжизненной проплешиной Мертвого Болота, где не растет даже мох и ряска, где не ползают змеи и не плодится гнус. Именно здесь в незапамятные времена открылся один из проклятых проходов. И где-то по этим же трясинам была проведена рудная граница.

Глава 5

– Ну что, ведомо, спрашиваю, от чего стережемся? – повторил свой вопрос Олекса.

– Ведомо, – склонил голову Всеволод. – Темное обиталище. Поганая нечисть. Черный Князь. И те, кто может впустить темных тварей... От них мы стережемся, воевода.

– Верно, говоришь, Всеволод, от них. И пока ладно все на нашем порубежье. Но то – на нашем...

Старец замолчал. И смотрит пытливо. В самую душу смотрит.

Слова Олексы встревожили Всеволода. А еще больше то, как произнесены эти слова. И как смотрит сейчас воевода.

На нашем, выходит, ладно. А – не на нашем?

Гнетущая тишина повисла в полумраке горницы. Наверное, вот так же оно все по ту сторону рудной границы, – подумалось Всеволоду. Тихо, темно. Страшно...

– Сторожа Закатной Стороны просит у нас подмоги, – не сказал, вытолкнул из себя слова старец Олекса.

И поник. Сгорбился. Осунулся весь. Постарел как-то сразу.

Плохо дело! Всеволод сглотнул. Он понятия не имел, что это за Сторожа такая, и где находится, но дальше слушать не хотелось. Не важно какая, не важно где, но если одна Сторожа просит помощи у другой, значит...

– Набег, Всеволод, – тихо произнес Олекса то, о чем сам Всеволод страшился даже подумать.

И уточнил тихо:

– Большой Набег.

Добавил:

– Там порушена рудная граница.

– Как?! – вскинулся Всеволод. – Кто посмел?!

Полусвист-полушипение. Это воздух вошел и вышел сквозь сжатые зубы старца. Крепкие еще зубы, способные и мясо жевать и горло врагу в бою перегрызть.

– Всегда были, есть и будут глупцы, мнящие себя мудрецами и пытающиеся повелевать силами, неподвластными человеку... – со слюной и ненавистью выплюнул Олекса.

Всеволод невольно отодвинулся. Давно он не видел старца-воеводу в таком гневе.

– Всегда найдется честолюбец, считающий, что лишь он один достоин вершить судьбу обиталища, коего лишь жалкой частичкой является!

Пудовый кулак старца поднялся и грохнул о дубовую скамью. Скамья содрогнулась.

– Всегда отыщется безумец, ослепленный яростью и жадной мести, готовый вместе с заклятым врагом погубить все и вся!

Еще один удар по скамье. Воевода дышал хрипло, смотрел перед собой помутненным взором. И медленно-медленно приходил в себя.

Всеволод молчал. Ждал.

Олекса проговорил, наконец:

– Не только от запорубежной нечисти, но и от глупости, честолюбия и безумия людского берегут мир наши Сторожи. Да, как видно, не всегда уберечь могут.

Слов было сказано много. Желчи излито – и того больше. Но воевода так и не ответил на вопрос Всеволода. Кто?! Может, оттого не ответил, что и сам не знал? Да и какое это имеет значение теперь, когда уже нет надежной рудной границы. И когда – Набег.

– Черный Князь? – быстро спросил Всеволод. О самом важном, о самом главном. – Он ТАМ? Еще? Или ЗДЕСЬ? Уже?

Олекса покачал головой:

– Там... Пока еще там. В своем обиталище. Набег только начинается. Но нечисть уже расползается по землям нашего мира, расчищая путь своему властелину. Время Черного Князя близится. Закатная Сторожа, как может, отдаляет роковой час. Покуда она сражается, Князю не переступить порушенный рубеж. Но ее силы на исходе. Потому и отправлены гонцы с просьбой о помощи. И к нам тоже прибыли посланцы из Закатной стороны.

Гонцы? Посланцы? Всеволод вспомнил двух чужеземцев, наблюдавших за боем на железе.

– Что должен делать я? – стараясь, чтобы голос звучал спокойно, спросил Всеволод.

– Поведешь дружину в поход, – так же спокойно ответил Олекса.

– Я? Дружину? – на этот раз скрыть волнение не удалось. Ни волнение, ни изумление. Прежде Олекса его из Сторожи не отпускал. Говорил, для особого дела готовит. Так неужели вот оно? Особое?

– Ты, – кивнул старец. – Дружину. Сам бы повел, да без меня Сторожу хранить некому. А время сейчас такое, что...

Олекса нахмурился, оборвав фразу на полуслове.

– Какое? – еще больше встревожился Всеволод.

– Если граница обиталищ рушится в одном месте – то трещать начинает повсюду, – глухо ответил старец. – Каждая темная тварь, перешедшая порубежье – это крупинка иного мира в мире нашем. И покуда крупинки накапливаются, то расшатываются и сотрясаются запоры во всех проклятых проходах. Ибо нарушается изначальное равновесие мироздания. А тут уж глаз да глаз нужен, потому как всякое может случиться. Ну, а если порубежье все же переступит сам Черный Князь...

Олекса опять умолк. И молчание то было красноречивее всяких слов. Потом старец-воевода заговорил по иному – быстро и решительно:

– Поедешь ты. С тобой отправится сотня воинов. Лучших воинов.

– Но воевода! – вскинулся Всеволод. – Сотня дружинников – это ж, почитай, половина Сторожи! А здесь тоже... может... как ты сам говоришь... Так есть ли нам дело до чужой стороны? Если, помогая другим, мы ослабим свое порубежье...

– Молчи, Всеволод! – Олекса грозно сверкнул глазами.

Снова кулачище старца опустился на скамью. Снова дрогнули толстые доски моренного дуба.

– Сторо'жам должно хранить обиталище людское, а не одни лишь свои земли. Нам надлежит стоять едино и закрывать нечисти все пути сразу. Только в этом спасение. Пойми ты, дурья твоя голова! Граница уже порушена. Темные твари прорвались. Набег начался. Не оставим его там – и здесь от нас не будет никакого проку. Хоть превеликую рать собери. Хоть крепость неприступную поставь. Если не откликнемся на призыв Закатной Сторожи, в этот мир вступит Черный Князь. А уж тогда – не сомневайся даже – нечисть доберется и до наших земель. И сотня воинов тогда ничего не решит. Ни сотня, ни тысяча. Ни десяти– ни стотысячные полки нам не помогут.

– Так ведь дружина, воевода... – чуть не стонал Всеволод, – Та малая дружина, что с тобой остается...

– Дружину свою я пополню. Взамен ушедших призову тех, кто сейчас в отлучке. И новых ратников наберу. Потребуется, правда, время, чтобы отыскать подходящих людей и хоть немного обучить новичков. Но если промедлить сейчас, после времени у нас не останется вовсе. Ни на что не останется. Ясно тебе, наконец?!

Всеволод сглотнул, кивнул. Все верно... Мудрый старец-воевода прав, как всегда.

– Тогда может, сотней не ограничиваться? – предложил Всеволод. – Раз уж беда такая, не пора ли, из лесов-болот выйти, да общий клич кликнуть, а воевода? Созвать княжеские дружины, ополчение мужицкое собрать, с татарами соединиться. И еще союзников найдем –

враг-то общий. А потом навалимся на нечисть всем миром. Чтобы уж наверняка? Чтобы сразу загнать темных тварей обратно.

Невеселая усмешка и качание седой головы были ему ответом.

– Всем миром не выйдет, Всеволод. Войска скоро не собираются. Союзы быстро не заключаются. А чем больше и разношерстнее рать, тем медленнее она движется. Не поспеть тебе с такой ратью до прихода Черного Князя. И, главное, на наших собственных князей надежды мало. Наши князья, вон, друг с другом договориться не могут. Все старшинство один у другого оспаривают, да грабят сосед соседа. То же – и татарские ханы. После смерти Чингисхана среди них тоже согласия нет. А в такой повсеместной усобице велик соблазн впустить темных тварей и использовать их по своему усмотрению. Нет, Всеволод, не для того Сторожа наша от мира таились, чтобы сейчас открываться. Раз уж в Закатной Стороже кто-то границу взломал – и здесь желающие сыщутся. А колдунов-ведьмаков, что рудную черту стереть смогут и властимущим прислужить не против, везде хватает. Им только укажи, где проклятый проход проложен.

– Неужели никого нельзя взять в помощь?

– Кого можно – те не поверят, – Олекса безнадежно махнул рукой. – Кто я для них такой? Старик-лесовик из гиблых болот. Самого за нелюдь скорее примут, чем слушать станут. И не объяснишь ведь никому ничего, покуда темные твари здесь не объявятся. А как объявятся – поздно уж будет. Да и побоятся многие с порождениями темного обиталища сражаться. А кто не побоится... Не обучены ведь простые дружинники и мужики-ополченцы серебром против нечисти биться. Друг с другом – это да, на это они мастера. Но с отродьем темного обиталища им не совладать. Только сытью волкодлакской да упыринной станут. Того ли ты хочешь?

И – опять правильные, мудрые слова.

Всеволод поник.

– Порубежье хранить – то наша забота, Сторожная, – тихо проговорил Олекса. – Потому и гонцы с закатной стороны посланы только по Сторожам.

Старец-воевода смотрел ему в глаза, ожидая.

Глава 6

– Куда? – Всеволод склонил голову. – Куда мне надлежит вести сотню?

Где именно находится Закатная Сторожа, он не знал. Как не ведал и о том, в каких странах укрыты прочие заставы, оберегающие границы между обиталищами. Эту тайну Олекса Всеволоду еще не открывал.

– На запад пойдете, – ответил старец-воевода. – За горные вершины, куда закатывается солнце. В страну, именуемую Залесьем.

– Залесье? Это...

– Это угорский край¹. Сами угры нарекли его Эрдей. Волохи, коих там тоже немало, именуют Трансильванией²

– Король угров – латинянский приспешник, – нахмурился Всеволод. – И Галицкую Русь под себя подмять хочет.

– Не об угорской короне речь идет, – старец Олекса тоже свел брови. – И не о Галицком княжестве. А о спасении всего людского обиталища.

Всеволод опомнился. Да, в самом деле... Вовремя его одернули. Спросил:

– Много ли народу проживает сейчас в Залесье?

– Людей там уже почти не осталось, – горько усмехнулся воевода. – Зато полно нечисти. И Черный Князь стоит у границы миров – об этом, главное, не забывай. Все остальное тебе поведают в дороге.

Старец встал. Дал понять, что разговор окончен.

Всеволод поднялся тоже:

– Кто? Кто поведают, воевода?

– Спутники твои. И проводники.

Олекса повернулся к двери и зычно кликнул:

– Входите, гости!

Дверь со скрипом отворилась. Сеней в избе травника не было, и с улицы в густой полумрак хлынул свет. Так хлынул – аж зажмуриться с отвычки захотелось. Солнце стояло в зените. На небе – ни облачка. И не верилось сейчас в существование темного обиталища, над которым светило не поднимается вовсе.

В избу вошли двое. Знакомые уже незнакомцы. Те самые чужаки, что наблюдали за боем под дубом. Дверь осталась открытой.

Всеволод проморгался, пригляделся. Рассмотрел гостей из закатного Залесья получше.

Сначала – того, что слева. Он был худ, высок и строен, как жердина. Спину иноземец держит прямо, голову – высоко. Такая осанка не каждому дадена. Такую осанку с раннего отрочества вырабатывать надобно.

И взгляд тоже... Сверху смотрит незнакомец. Спокойно, надменно, уверенно. Благородных господских кровей, видать, гостинек-то. Приказывать привык, а не подчиняться. Но не спесив при этом. Во всяком случае, хорошо обучен прятать свои истинные чувства под холодной бесстрастной маской. Умен и выдержан, и норов не покажет, коли нужно для дела. До поры, до определенных пределов не покажет.

Лицо... Худое лицо. Большой нос. Губы – сжаты и чуть-чуть скривлены в не очень приятной улыбке. Щеки – впалые, даже сквозь курчавую бороду видно, как проступают скулы. После длительного поста, тяжелой болезни или долгой дороги такие щеки бывают. Кожа – блед-

¹ угры – венгры

² можно перевести как «страна за лесами»

нее обычного. Но впечатление немощного, изможденного и бессильного иноземец не производит. Скорее – наоборот. И в избу, вон, вошел в боевом наряде.

На голове – толстая плотная шапочка с тугой набивкой и смотанным по челу венчиком. Подшлемник, судя по всему. Поверх невзрачного дорожного плаща лежит сброшенный на спину и плечи кольчужный капюшон. Вблизи хорошо видно: стальные кольца намертво спаяны друг с другом и сплетены с серебром.

Спереди плащ распахнут, так что взору открыты отделанные серебром же пластины нагрудника и длинная кольчужная рубаха с рукавами. И тоже вся – от ворота до подола – поблескивает белым металлом.

Интересно. Очень...

Сапоги – дорогие, крепкие. Серебрёными поножами прикрытые. Со шпорами на пяте. На шпорах – шипастые колески. Золото, но опять-таки с серебряной отделкой. Но золото... А золотые шпоры о многом говорят. Знатный витязь, небось, из закатных стран пожаловал.

Из-под полы плаща торчат ножны. Клинок в ножнах упрятан длинный и тяжелый. Таким особенно хорошо с коня рубить.

Лет тридцати этому, с длинным мечом и золотыми шпорами, будет. Или около того.

Всеволод перевел взгляд вправо. На другого иноземца. Да, тут уж всем иноземцам иноземец. Смуглокожий, черноволосый, черноусый, черноокий...

Сарацин? Из тех, что проживают за Царьградом? Всеволод никогда прежде сарацинов не видел. Но описывают их именно так: черные, темные...

Пониже первого ростом будет, не столь статен и гордость свою держит при себе. Из простолудинов, видать, да вот только не шибко прост. Тоже худ. И жилист. Такие – опасные противники в поединках. Вроде, посмотришь: ну какой из него боец? А до драки дойдет – силищи на троих хватит. Не заламаешь такого, не одолеешь без натуги.

Возраст на глаз – не угадать. Может старше, а может младше златошпорого.

Глаза – с прищуром. С хитрицей такой смекалистой и настороженной. Ну, точно – себе на уме парень. Одет, в отличие от своего благородного спутника, не по военному, но пестро и броско. Словно желает ярким нарядом отвлечь внимание от лица. Короткая рубашка и короткий жупан с путанной шнуровкой. Узкие суконные штаны. Высокие сапоги с простыми шпорами.

Еще – широкий красный кушак. На поясе слева – не очень длинный, но широкий клинок, с рукоятью, годной для одноручного и двуручного боя. И конного и пешего. Справа висит изогнутый кинжал.

На голове – войлочная шапка с широкими полями. На плечи накинута – и без надобности совершенно, по мнению Всеволода, для красоты больше – белый плащик с широким воротником и рукавами увязанными за спиной.

Нет, если по одежде судить – так, уж скорее, это лях какой, нежели сарацин.

– Знакомьтесь, – обратился Олекса к гонцам. Сказал, как приказал. Мягко, вроде, но настойчиво. – Всеволода вы уже знаете. Он вас – нет.

– Конрад, – представился первый – златошпорый. – Конрад фон Рихтен.

Голос был сух и невыразителен, как и весь облик его обладателя. Но знакомый... до боли знакомый немецкий акцент говорил больше, чем скупые слова.

– Саксонский витязь, – добавил от себя Олекса. – Доблестный брат-рыцарь германского ордена...

– Орден?! – вскинулся Всеволод, не дослушав. Вот тут-то его накрыло по-настоящему. – Он что же, ливонец?! Тевтон?! Немец из тех, кто наши северные земли терзают? Да я ж сам с новгородчины... Из деревни, которую сожгли эти... эти...

«Псами» назвать крестоносцев Всеволод не успел.

– Я знаю, – резко оборвал его воевода. – Только не «эти». Конрад к нам прибыл не из Пруссии. И не из Ливонии. Из угорской стороны.

– Но орден!

– Прекрати! – потребовал Олекса. – Уймись, Всеволод! Сейчас же!

Прекратить?! Уняться?! Да как же так? Ох, не просто это будет – прекратить и уняться. Хоть и немало времечка утекло с тех пор, как молодой охотник, вернувшись с зимнего промысла, нашел на месте родного селения пепелище и обгорелые трупы, но и сейчас как наяву стоит перед глазами та жуткая картина. И безуспешная, бессмысленная погоня. И белые плащи с черными крестами, и черные одежды кнехтов на белой замерзшей реке. И спешно, верхами – пешком никак не догнать – уходящий в закатную сторону орденский отряд.

– И что же? – задыхался от гнева Всеволод. – Мне? Теперь? С ним? К ним?..

– Именно тебе, – отрезал старец-воевода. – Ты жил неподалеку от орденских земель. Ты знаешь немецкую речь.

Ну, жил. На свою беду. Ну, знает. Только Всеволод втайне лелеял мечту, что знание это когда-нибудь поможет ему поквитаться с ненавистными германцами, а тут...

– Там, куда ты поведешь дружину, это может пригодиться. В сече нужно понимать язык тех, кто сражается с тобой бок о бок, кто прикрывает тебе спину, и кому прикрываешь спину ты.

– Биться бок о бок с тевтонами?! Прикрывать им спину и полагаться на защиту крестоносцев в бою?! – Всеволода трясло от негодования. Он уже готов был забыть, с кем разговаривает. Почти был готов...

– Позвольте мне сказать, мастер Алекс, – с холодной вежливостью и нарочитой почтительностью попросил по-русски саксонский витязь, брат и рыцарь.

– Говори, – согласился Олекса.

Сдержанно-благодарный кивок. Едва-едва заметный, будто через темя и шейные позвонки германца пропущен негибкий клинок.

– Да, Всеволод, ты прав, я, действительно, принадлежу к тевтонскому ордену Святой Марии Иерусалимской. Да, при обстоятельствах, не требующих скрытного передвижения, я ношу белый плащ с черным крестом на левом плече, весьма нелюбимый в русских княжествах. Да, формально, наша комтурия входит в орденское братство. Но Великий Магистр имеет над нами не больше власти, чем князь ваших земель над дружиной этой Сторожи.

– И что?

«Пес»...

Всеволод сверлил немца ненавидящим взглядом. Пепелище и трупы... Страшное, яркое воспоминание... Самое бы время поквитаться. Но – посол. Но – долг гостеприимства. Но – Набег темных тварей.

– Мы не принимали участия в войнах с Русью, – спокойно продолжал немецкий рыцарь, – и все же, признаю, нам не просто было обратиться за помощью к русской Стороже. Однако, ситуация такова, что мы вынуждены искать союзников всюду, где это возможно. Ты видишь, – я прибыл сюда без братьев по ордену. Без оруженосцев. Без кнехтов. С одним лишь проводником. А знаешь почему?

Всеволод ничего не ответил.

– У нас осталось слишком мало людей, чтобы снаряжать полное посольство. И люди нам сейчас нужны для другого.

Всеволод смотрел на него. Смотрел и молчал.

Щека германца чуть дрогнула:

– Ну, а теперь, если желаешь, мы можем скрестить мечи. Только предупреждаю сразу, русич, я прошел такое же посвящение, что и ты. И я умею держать оружие в руках не хуже,

чем ты. Убить себя я не позволю. Убивать тебя – не хочу. Так что мы лишь напрасно потратим время и затупим клинки. А время дорого. Очень дорого.

– Конрад прав, Всеволод, – подвел черту седовласый воевода. – Обуздай свой гнев и забудь о былых обидах. Сейчас никому из нас не должно быть дел до усобиц этого мира, ибо сюда рвется воинство мира иного.

Всеволод еще дышал тяжело, сквозь стиснутые зубы. Но голову склонил. Трудно спорить с многомудрым воеводой. Даже если очень хочется.

Старец перевел разговор на другое:

– А это – Бранко, – Олекса указал на второго иноземца – пестро одетого и молчаливого, о котором Всеволод успел позабыть, – Бранко Ковач. Бранко Петри – сын Петера, Петра, по-нашему.

Смуглый жилистый гость в шнурованном жупане и диковинном плаще с завязанными сзади рукавами выступил вперед. Поклонился, качнув войлочной шляпой. Лицо его при этом оставалось непроницаемым. Только прищуренные глазки смотрели цепко и внимательно.

– Бранко – влах, волох, – продолжал воевода. – Живет в Залесье. Был толмачом и проводником, водил через горные перевалы Эрдея, валашские равнины, полонецкие степи и наши леса купеческие обозы и караваны. Позже нес службу при магистре закатной Сторожи – тевтонском воеводе. Теперь поведет твою дружину, Всеволод. Самой короткой дорогой.

Проводник и толмач кивнул. Молча отступил в тень. Бранко Петри Ковач так и не произнес ни слова.

Глава 7

Сборы были недолгими. Боевой доспех и боевое оружие, которые в сече и против нечисти, и против человека сгодятся. Два меча подогнанных по руке... по обе руки. Точные копии учебных, только не тупые – острые. Обоюдоострые.

Всеволод извлек сталь из ножен. Проверить, как положено, а больше – полюбоваться. Взглянуть лишний разок, в руке подержать.

Полюбовался, подержал...

Удобные – в ладони как влитые – рукояти. Хороший баланс. Клинки – не длинные и не короткие. Такими мечами удобно рубиться и в пешей, и в конной схватке, и в строю и единолично.

По обоим клинкам – от кончика острия до самой крестовины и от лезвия до лезвия – густая насечка. Серебряная, но без вычуров, без узоров. Не для красоты это серебро в сталь вковано – для дела. Живучую нечисть половинить таким оружием – самое милое дело. Раны от простого меча у темной твари зарастают сразу, буквально на глазах. А вот если на булате окажется хоть крупинка белого металла – тогда смерть нелюди.

Не терпят серебра ни волкодлаки, ни упыринное отродье, и даже малой толики его достанет, чтоб отправить нечисть в ее нечестивый ад. И чем больше будет тонких блестящих нитей в бороздках боевой стали, тем вернее пройдет клинок сквозь бледную плоть кровососа или жесткую шкуру и плотные бугристые мышцы оборотня. Как раскаленный нож по маслу пройдет. И, пройдя, уже не даст затянуться ране.

При том булатный меч в серебряной отделке ведь куда как сподручнее целиком выкованного из серебра. Серебряный клинок – мягок, ненадежен. Одно-двух упырей, может, и срубит единым махом, а ударишь третьего – так прогнется под весом поверженной твари. А если в дерево им случайно угодишь? А если в камень? А если против самого Черного Князя выйти доведется? Этот-то враг, говорят, с ног до головы в броню закован, и податливым серебром его, небось, не шибко достанешь.

Да и в обычном бою, коли придется сечься не с нелюдью, а с лихим человеком, от серебряной стали проку больше. Нет, иметь при себе добрый булат с насечкой оно все ж предпочтительнее, чем два меча на все случаи таскать – серебряный и стальной. А обоерукому вою – так и четыре сразу.

Всеволод не мог отвести глаз от оружия. Ай, красотища-то какая! Блестят, играют солнечным лучом отточенные лезвия и серебряная насечка. Известное дело: чистое белое серебро – оно куда больше урона нечисти несет, чем старое, грязное, чернью покрытое. Потому и чистить оружие и доспех следует почаще.

Осмотрев, наконец, мечи, Всеволод спрятал оба клинка в ножны. Ножны – дерево с кожей. Но поверх – опять-таки серебряные накладки.

Сунул за голенище кривой засапожный нож. Последний спаситель и защитник в лютом бою, когда и мечом уже не взмахнуть... Засапожник тоже усеян белыми росчерками по синеватой стали. Тоже готов кромсать хоть человеческую, хоть нелюдскую плоть.

И в легкую гибкую кольчугу часто вплетены промеж стальных – серебряные кольца. Чтоб когтистые лапы свои нечисть не шибко тянула. Она-то потянет, конечно, в горячке боя, но – хоть какая-то защита.

Накладки и насечки чистейшего серебра имелись на пластине зеркала, на оплечьях, на наручах и поножах, на боевых латных перчатках, на шлеме с забралом-личиной. В бармице также поблескивала серебряная проволока. Все – начищено, все – в образцовом порядке.

Был бы щит, так и на щите... Но щита обоерукий Всеволод не признавал.

В общем, все. Готово, в общем. Всеволод пошагал туда-сюда, позвякивая металлом. Подпрыгнул пару раз. Взмахнул руками. Остался доволен. Движения ничего не стесняло, боевые выпады давались легко. И не мудрено. Прежде в свой серебрённый доспех он облачался редко – чтобы проверить сочленения и кольчужные звенья, да подогнать ремни. А так все больше носил простые – учебные, специально утяжеленные латы. Потому, наверное, теперь почти не ощущается вес настоящей боевой брони.

Или, может, от волнения это?

... Дружина ждала. Сотня лучших бойцов Сторожи расположилась за тыном. Старец-воевода, видать, постарался: все было готово к походу.

На броне, щитах и шлемах каждого ратника блестит серебро. И на наконечниках копий. А древка копий, между прочим, из осины струганы – особого дерева, тоже весьма нелюбимого погаными тварями. Осина, как известно, вытягивает любую темную силу, а с обессиленной нечистью все ж сладить проще.

Под потниками и попонами, расшитыми серебряными нитями всхрапывают оседланные кони. Роют землю копытами запасные лошади. В седельных тюках и сумах уложено все, что нужно для дальней дороги.

Брали с собой в поход немного. Да и много ли надо неприхотливому воину? Оружие. Снедь нехитрая, чтоб время в пути на охоту не тратить. Небольшой запас овса для лошадей. А за кров небесный купол сойдет. Конская попона – вместо шатра и постели. И седло под голову...

Германец с волохом расположились чуть в стороне от дружинников Сторожи. Рыцарь, вероятно, с самого начала желая произвести впечатление на спутников, неподвижно, будто истукан, восседал в седле с непривычно высокими луками. Гнедой жеребец рыцаря – рослый и сильный, с широкой грудью и тяжелыми копытами. На таком, конечно, хорошо идти в бой, но вряд ли такой пригоден к долгой скачке без остановок.

Вороняя лошадка проводника и толмача была поменьше. Зато лучше подходила для длительного путешествия. И у Конрада, и у Бранко имелось также по паре запасных лошадей, груженых нехитрой поклажей.

Немец держал, уперев в стремя, поднятое копьё. Тоже – с осиновым ратовищем, но длиннее и тяжелее, чем у русских дружинников и с ярким флажком-банером под серебрённым наконечником. На перевязи слева висел меч. Справа – прицеплен прямой граненый кинжал. К седлу рыцаря был приторочен треугольный щит и небольшая сума, из которой торчала верхушка глухого горшковидного шлема, какие любили орденские братья. Черного тевтонского креста на щите не оказалось. Зато имелся герб: диковинная заморская зверюга-лев – клыкастая, гри-вастая. Когтистая. Стоит на задних лапах.

Гербовый рисунок по контуру оббит серебряными гвоздиками. Выступающий в центре умбон с острым шипом и частые нашлепки вдоль края щита – из чистого серебра. За такой щит нечисть если цапнет – обожжется. И шлем вон тоже... Посеребрённый, чуть сплюснутый обруч-венчик, напоминающий корону, охватывал плоскую верхушку германского шлема. Под коронкой виднелись серебряные накладки и насечки. Ну, и знакомые уже кольчуга с нагрудником – все сплошь в серебре. Там, откуда прибыл Конрад, знали, чем и как бороться с нечистью.

Бранко тоже успел переоблечься в боевой наряд. И вряд ли на то ушло много времени: доспех у волоха оказался попроще и полегче, чем у саксонского рыцаря. Кожаная рубашка, обшитая посеребрёнными пластинами, да открытый клепаный шишак с частыми серебряными бляшками. Доспех, конечно, не для лютой сечи, но ведь толмачу и проводнику не биться в первых рядах. Впрочем, поверх кожаного панциря Бранко уже повязал давешний красный кушак, выставив напоказ меч и кинжал. Словно дает понять: ежели что, мол, в стороне стоять не буду. За спиной волоха по-прежнему нелепо болтались увязанные рукава нарядной накидки.

Выезжали по тайной тропе через болота. Незнающий человек здесь нипочем не пройдет – утонет. Да и знающему, особенно конному, пробираться в этих местах нужно с большой опаской.

Проехали коварные топи благополучно. Миновали дальний дозор Сторожи. На всякий случай обогнули стороной одинокое охотничье зимовье – давным-давно заброшенное и порушенное.

Двинулись дальше – лесами-лесами, чтоб никому понапрасну глаза не мозолить, по-над Десной-рекой, постепенно забирая к югу.

– Как киевские земли обойдем – на закат двинемся, – пояснил немногословный проводник. Волох говорил по-русски вполне сносно.

– А зачем их обходить-то, Бранко? – в недоумении спросил Всеволод. – Напрямую оно ж быстрее будет.

– Не будет быстрее, – покачал головой волох. И – разговорился, наконец, по-настоящему. – В Галицком, Владимиро-Волынском и Киевском княжествах уже появились угорские беженцы. Тревожно нынче в западной Руси. Князья еще не понимают толком, что стряслось, но чувствуют смутное время и, как всегда при любой смуте больше всего опасаются нападения соседей, вместо того, чтобы свои рати объединять. Все пути-дороги заставами и засеками перегорожены. Незаметно с большим отрядом уже не проедешь. Останавливать будут, спрашивать, грамоты проездные требовать. А то и без всяких разговоров – стрелой из засады, с перепугу. Нужно это нам?

Всеволод покачал головой. Еще чего! С боем прорубаться через русские земли...

– Вот и я о том же, – продолжал Бранко. – По половецким степям сейчас путь быстрее и безопаснее выйдет.

– По Дикому Полю – безопаснее?! – не поверил Всеволод. – Там же степняки лиходейничают.

– Уже нет, – снова возразил проводник. – Там народу почти не осталось.

– Как так?

– А очень просто. Угорские беженцы-то, прежде чем на русские земли попали, сначала через половецкие владения прошли. И туда тоже принесли вести о набеге нечисти.

– И что?

– Кочевники решили беду в стороне переждать. Степной народ легок на подъем – ему городов заставами и засеками оберегать не надо. Сейчас целые рода и племена откочевывают на восток – кто за Днепр, кто за Дон, а кто и вовсе за Итиль³, под татарское крыло подался.

Всеволод только покачал головой.

– Сбеги⁴, должно быть, изрядно напугали русских князей и степняцких ханов.

– Напугали, – согласился Бранко, – есть чем.

И, помрачнев, снова умолк. Надолго.

³ Итиль – Волга

⁴ сбеги – беженцы

Глава 8

Все-таки узкие лесные тропы – плохая дорога для конной дружины. Неудобная и опасная – мало ли... Сотня всадников растянулась на полверсты. Старались ехать по двое. Бок о бок, стремя в стремя. Чтоб ежели что – прикрыл один другого. Получалось, увы, не ахти. Тесно, двоим места не хватало. Да и одному – не всегда. То и дело приходилось с треском проламывать конской грудью густой кустарник и топтать копытами валежник, преграждавший дорогу.

Попоны с коней сняли, чтобы не изорвать в клочья. Оружие держали наготове. Дружинники поглядывали по сторонам, но за сплошной стеной леса много не высмотришь. На всякий случай Всеволод пустил вперед дозор – осторожного десятника Федора с парой ратников. Пока, вроде, все вокруг было спокойно, мирно и безмятежно. Это – вокруг. А в самом отряде?

Всеволод покосился на немца, державшегося обособленно и угрюмо. Подъехал ближе. Надо ведь и с ним найти общий язык. И чем раньше – тем лучше. В дальний поход идти нужно без упрятанных обид и невысказанных упреков, без недомолвок и затаенных мыслей. Когда что-то долго таится, оно может аукнуться в самый неподходящий момент. А сотнику-воеводе надлежит блюсти единство отряда. Любой ценой и своим примером. Чтоб позже, в бою, за свою же спину не опасаться. И потом, ведь этот сакс знает много чего нужного и полезного о закатной Стороже, о землях, на которых она стоит и о Набеге темных тварей. Так пусть поделится своим знанием.

– Конрад, я прошу простить меня за непочтительные слова, высказанные при нашей встрече, – к орденскому рыцарю Всеволод обратился по-немецки, со всей учтивостью, на которую был способен, – Ты – гость и посол. Я не должен был так разговаривать с тобой.

Германец кивнул. Не поворачивая головы. Но, видимо, принимая извинения.

Проклятый, надменный сакс! Ну ладно...

– Брататься с тобой я не буду, и друзьями нам не стать вовек, – прежней учтивости в словах Всеволода больше не было. Была плохо скрытая неприязнь. – Но если уж мы выступили вместе против одного врага, давай не чураться друг друга, как упырь серебра.

А вот теперь немец повернулся. Чуть приподнял бровь – удивился. Сказал:

– Давай.

По-русски сказал. Кажется, прямота и откровенность спутника саксу пришлись по душе. Их рыцарь, явно, ценил больше пустых напыщенных слов. Это Всеволоду понравилось.

– Расскажи о своей Стороже, Конрад, – попросил он. – Где поставлена? Что из себя представляет? Кто охраняет ее стены?

– Отчего же не рассказать, – легко согласился тевтон. – Наша Сторожа – это каменная твердыня у самой границы миров. Большая крепость на скале среди скал. Возведена в сердце карпатских гор, на землях Зибенбюргена – Семиградья, именуемых также Цара Бырсей, Залесье, Эрдей и Трансильвания. Стоит неподалеку от славного града Германштадта, или, если по-угорски, Сибиу⁵. Зильбернен Тор – Серебряные Ворота – так называется замок. Волохи и угры нарекли его иначе, на свой лад.

– И как же?

– Кастлягро, – после некоторого раздумья ответил Конрад. – Черный Замок, Черная Крепость.

Всеволод усмехнулся. Да уж... Кому – Серебряные Ворота, а кому – Черная Крепость.

– Замок сложен из черного камня, – поспешил объяснить тевтон. – Поэтому.

Всеволод кивнул. Пусть. Поэтому – так поэтому.

⁵ в Трансильвании до сих пор некоторые города и населенные пункты имеют как венгерские, так и немецкие названия

– Серебряные Ворота поставлены на месте древней цитадели в ту пору, когда угорский король Андреаш Второй пригласил на свои земли германских рыцарей Креста ⁶ – продолжал Конрад. – Братство Святой Марии находилось тогда в затруднительном положении. Сарацины вытесняли Христово воинство из Святой Земли и, чтобы сохранить и приумножить могущество ордена, требовались новые территории. Из Венецианской резиденции гроссмейстера Генриха фон Зальце отправлялись посольства ко дворам разных европейских государей. Успешными оказались переговоры с Андреашем. Его Величество призвал орден в Трансильванию.

– Король угров сделал это по доброй воле? – покачал головой Всеволод.

А было чему удивляться! Об аппетитах и железной хватке орденских братьев на Руси знали не понаслышке. Да и не только на Руси. Крестonosцам только дай волю, им только позволю уцепиться за клочок земли – и беспокойное соседство под боком обеспечено. Орден начнет ставить замок за замком, скликать под свои знамена европейских рыцарей, приглашать немецких колонистов и примется настырно, невзирая ни на что, расширять владения.

Конрад улыбнулся. Одной стороной рта. Хищно так осклабился.

– Выбор у Его Величества на тот момент был невелик. Андреашу требовались надежные союзники и крепкая рука в беспокойных и труднодоступных землях королевства. Королевская власть в Трансильвании всегда была слаба. А тамошнее население – своенравно, а бароны – непокорны. А на трактах хозяйничали разбойничьи шайки и отряды вольных хайдуков. ⁷ назывались партизаны и народные мстители, боровшиеся с турками. Позже легковооруженные хайдуки стали особым родом войск. Однако имелось и другое значение этого слова. Хайдуками в средневековой Венгрии называли также разбойников или свободных воинов-наемников. И есть основания полагать, что в этом смысле слово «хайдук» употреблялось гораздо раньше – еще до возникновения широкомасштабного антитурецкого народного движения. А границы эрдейского края непрерывно беспокоили кочевники-половцы или, как называют их угры, – куны. Ни один наместник Его Величества не мог навести порядок в этой дикой стране гор и лесов. Впрочем, главная причина, по которой Андреаш пустил тевтонских братьев в Эрдей, заключалась в другом.

– В чем же?

Немец помолчал, собираясь с мыслями. Всеволод ждал. Некоторое время они ехали, не проронив ни звука, покачиваясь в седлах, глядя не друг на друга, а вперед, между конских ушей. Наконец, Конрад заговорил. Начал издали:

– Эрдей – особенный край. Его нужно хорошо знать, чтобы правильно понимать все происходящее там.

– Так объясни. Я попытаюсь понять.

– Что ж, слушай... У вас на Руси сейчас мало кто знает о затерянной среди лесов и болот границе между мирами и оберегающей ее крепости. Византийская вера, распространившаяся по вашим землям, заставила людей забыть старые языческие культы. Вместе с ними были забыты и древние знания. Забылась и первая битва обиталищ, и проклятые проходы, и закрывшая их кровь Изначальных Вершителей.

– Это плохо?

– Это полезно. Ибо ваша Сторожа ныне надежно сокрыта от непосвященных. Ибо посвященных колдунов, ведунов, ведьмаков и магов, способных взломать границу, в русских княжествах почти не осталось.

– Но разве не так же обстоят дела, в латинянских землях? – спросил Всеволод.

⁶ Тевтонский орден обосновался на землях Трансильвании в 1211 г. Но следует отметить, что в реальной средневековой Венгрии свои представительства имели не только немецкие рыцари ордена Святой Марии, но также тамплиеры и госпитальеры

⁷ гайдуками, гайдамаками или – правильнее – хайдуками (от венгерского *haidu* – погонщик)

– Так, – кивнул Конрад. – Католическая церковь тоже всеми силами старается истребить все ненужное и опасное. Но беда в том, что грешные души жителей Трансильвании в большинстве своем закрыты для римского папы. Впрочем, и для греческого патриарха они закрыты также. Да, в Эрдейском краю есть и наши, и ваши пасторы, но ни у тех, ни у других нет верной и истовой в своей вере паствы. А потому колдовство и чародейство, корни которых уходят в глубокую языческую древность, сосуществуют и уживаются там с католической и византийской верой. Магия процветает по сию пору, а среди наиболее сильных магов встречаются потомки Изначальных. Причем, некоторые из них состоят на службе у местных вельмож. Опасные знания в трансильванских землях не забыты. О проклятом проходе между обиталищами известно даже простолюдинам, не говоря уже об аристократах. Более того, многие эрдейцы знают, где следует искать этот проход.

Всеволод нахмурился:

– Скверно. Если проход не сокрыт...

– То рано или поздно его откроют, – вздохнул Конрад. – Откроют по неразумению или по злему умыслу. Или с добрыми намерениями – возможно и такое...

Возможно. Наверное. Благие намерения порой бывают даже опаснее.

– Всего-то и нужно – сказать колдовское слово и пустить колдовскую кровь в воду.

– В воду? – изумился Всеволод. – При чем тут вода?

– Эрдейский проход пролегает через горное озеро. Глубокое и холодное, лишенное даже намека на жизнь. Мертвое озеро. Именно там проведена кровавая черта Изначальных.

– Вот как?.. – Всеволод задумался. – У нас, значит, Мертвое болота. В Залесье – озеро. Интересно, как Изначальные чертили границу? По дну? По воде?

Конрад усмехнулся:

– Я полагаю, что и ваши болота, и трансильванское озеро появились уже после того, как была проведена черта. И появились они по воле Изначальных, чтобы скрыть порубежье от глаз непосвященных. Изначальные обладали могуществом, недоступным пониманию человека, и умели прятать свои секреты. А вода... она не страшна для границы, писанной сильной кровью и сильным заговорным словом. Простая вода не размочит эту черту. Только кровь и только слово, содержащие хотя бы малую толику истинной силы, способны на такое.

– Но к чему все это? Болота? Озеро? Есть же Сторожи.

Тевтонский рыцарь перестал улыбаться:

– Вероятно, мудрость прошлого не полагалась на разумность будущего. Изначальные не доверяли потомкам. Как оказалось, правильно делали.

Некоторое время они снова ехали молча. Затем Всеволод спросил:

– Скажи, Конрад, кто и когда взломал рудную границу Изначальных?

– Об этом пусть тебе расскажет Бранко, – германец кивнул на волоха – неразговорчивого и задумчивого. – Ему эта история известна лучше.

Глава 9

– Бранко? – Всеволод в изумлении повернулся к проводнику.

Тот, и в самом деле, заговорил:

– Трансильванские земли – проклятые земли, – тихо, медленно, глядя куда-то вдаль, сквозь лес, произнес волох. Голос у него сейчас был глухой и низкий. – Ибо здесь лежит самый легкий путь из Шоломанчи к людскому обиталищу.

– Откуда-откуда? – удивился Всеволод.

– Я говорю об укрытой под горными хребтами стране вечной ночи, обители самого дьявола... О Шоломанче или Шоломонарии.

Шоломанча? Шоломонария? Что ж, каждый народ дает свое название Темному Обиталищу. Сущность его от того не меняется.

– Оттуда в этот мир издревле рвется Балавр... – продолжил Бранко.

– Балавр? – нахмурился Всеволод. – А это еще кто?

– Шоломонар. Черный Господарь.

– Черный Князь?

– Можно сказать и так.

А сущность не меняется...

Бранко вздохнул. Повторил с горькой усмешкой:

– Проклятые земли...

И снова – молчание.

– Так кто же их проклял? – не выдержал Всеволод. – Земли-то ваши?

– О, это было давно, – снова глядя лишь на ему одному ведомое, отвечал волох. Неторопливо, торжественно, как былинку под гусли тянул. – В стародавние времена. Старики говорят – десять раз по сто лет и зим тому назад это случилось. Древний господарь древнего и гордого народа, обитавшего в Эрдее и хранившего проход между мирами, не смог сдержать натиска врага, пришедшего из-за Дуная. И сам господарь, и его верные воеводы, и жрецы, и колдуны, и чародеи, состоявшие при нем, предпочли смерть позорному плену. Все они покончили с собой. Но прежде – прокляли страну, в которой родились и выросли, дабы впредь не было чужакам покоя на этой земле. Убивая себя, они пролили свою кровь в воды Мертвого озера. И изрекли заговорные слова, что могут ставить и рушить границы.

– Пролитая кровь была сродни крови Изначальных, – затаив дыхание, спросил Всеволод.

– Да, это так. Среди погибших были потомки Изначальных. Дальние потомки, однако, все же, кровь их достигла дна и коснулась рудной черты. Медленно, но верно, кровь размывала древнюю границу, кровью же и начертанную. Это длилось долго – сто или, быть может, двести лет. Но годы и века не важны там, где грядущее уже предопределено.

– О каком царе и о каком народе ты говоришь, Бранко? – помедлив, спросил Всеволод.

– О могущественном правителе Децебале и бесстрашных даках, презирающих смерть, – ответил волох. – Двадцать лет они противостояли могущественной армии Рума и громили его прославленные легионы. Но пришельцы из-за Дуная были слишком сильны и их было слишком много. Румеи захватили эрдейские земли, но властвовали здесь недолго, ибо после победы над дакийскими воинами им пришлось столкнуться с более грозным врагом, призванным проклятием Децебала. Против этого врага румейское оружие оказалось бесполезным.

– Так значит... – Всеволода сглотнул, – значит, Набег уже был? Раньше?

– Был, – спокойно ответил волох. – Я же сказал, это проклятые земли. Они помнят и вриколаков-оборотней, и кровопийц-стригоев.

Вриколаков? Стригоев? Волкодлаков. Упырей...

– А... а Черный Князь... ну... Господарь? Он проходил через границу?

– Если бы он прошел, этот мир не дожил бы до наших времен, – чуть заметно усмехнулся Бранко. – Набег отбили.

– Но как?!

– С трудом. С большим трудом. И большой кровью. Когда легионы Рума бесславно отступили, в Дакию, кишевшую нечистью, со всех концов румейской империи и из-за ее границ, съехались те, в чьих жилах текла кровь Изначальных. Воины и чаротворцы, посвященные в тайну Шоломанчи и ведающие, чем окончится для людского рода приход Черного Господаря. Это был поход не по призыву Рума, трусливо поджавшего хвост и бросившего завоеванную провинцию на растерзание темных тварей. Нет, каждый шел по доброй воле. И каждый вел с собой отряд верных бесстрашных бойцов в серебрённой броне и с серебрённым оружием. По ночам потомки Изначальных отбивались от вриколаков и стригоев, днем – продвигались к проходу между мирами. А когда дошли до Мертвого озера в карпатских горах...

– Что? – не удержался Всеволод. – Что тогда?

– Была еще одна битва с воинством Шоломанчи – битва, длившаяся всю ночь, от заката до рассвета. Темных тварей тогда остановить удалось, но и вставших на их пути почти не осталось.

– Почти?

– Уцелевших можно было пересчитать по пальцам. Они-то и заперли порушенную границу между обиталищами во второй раз.

– Кровью заперли?

– Кровью и словами, – ответил Бранко. – Кровью и словами можно провести черту. Кровью и словами можно разорвать черту. Кровью и словами можно заново закрыть брешь. Если в крови и словах кроется истинная сила. В той крови и в тех словах сила была. От пролитой крови потомков Изначальных красными стали окрестные скалы, и вода в озере, и камни под ногами. И нужные слова были произнесены. И рудная граница вновь отделила Шоломонарию от мира людей.

– Что было после, Бранко?

– Те, кто выжил и те, кто пришел позже, заняли старую дакийскую крепость в скале. Эта Сторожа оберегала порубежье миров до появления в Эрдее диких орд гуннского царя Аттилы.

Аттила... Всеволод слышал о таком. Слава варварского царя не уступала славе румийский императоров. А старец Олекса имел обыкновение рассказывать о делах давно минувших. И об ушедших героях, творивших эти дела. Всеволод любил слушать такие рассказы. Но вот Бранко Ковач... Похоже, простому толмачу и проводнику тоже ведомо многое.

Хотя, он ведь не так прост, этот волох?

– Послушай, Бранко, а откуда ты все это...

– Мои предки берегли трансильванскую Сторожу, – ответ прозвучал прежде, чем Всеволод закончил вопрос. – Так говорили у нас в роду. Еще говорили, что они погибли в лютом бою.

– Кто их убил? Волкодлаки? Упыри?

– Люди.

– Люди царя Аттилы?

– Люди, которые не желали отдавать Аттиле наши земли.

– Не понимаю.

– Вспомни Децибала. Когда стало ясно, что гуннов не остановить, среди воинов Сторожи возникли разногласия. Одни предлагали по примеру даков порушить границу и выпустить воинство Черного Господаря, дабы набег варваров захлебнулся в еще более страшном Набеге. Это было возможно: несколько человек из сторожной дружины являлись дальними потомками Изначальных и вели свой род от воинов и магов, закрывших брешь на рудной черте. Их кровь могла бы снова взломать порубежье.

Другие защитники Сторожи выступили против. Мои предки оказались в их числе. Они понимали: Аттилы приходят и уходят, а Черный Господарь навеки остается там, куда вступает

его нога. Снова же преградить Балавру путь из Шоломанчи... – волох покачал головой, – Это не так просто, как открыть заветную рудную черту. Чтобы залатать брешь, нужно больше силы, и больше истинной изначальной крови. Много больше. Воины Сторожи так и не пришли к единому мнению. В крепости на скале вспыхнул бой. Хранители границы миров перебили друг друга, но сама граница осталась нетронутой.

– А Агтила? – спросил Всеволод.

– Он не посмел посягнуть на рубеж, скрытый в водах Мертвого озера и отвел свои орды в пушту⁸. Пришлый дикарь и варвар оказался разумнее многих жителей Эрдея.

– Это, в самом деле, так, – снова заговорил Конрад. Тевтонский рыцарь глубоко вздохнул, продолжил: – после ухода гуннов и до появления в Трансильвании мадьярских племен, крепость у проклятого прохода занимала небольшая дружина валахов, в чьих жилах текла смешанная кровь даков и римлян.

Позже неоднократно предпринимались попытки поставить настоящую Сторожу, однако валашские старосты и воеводы, мадьярская знать и королевские ставленники-надоры, попеременно овладевавшие цитаделью, недолго удерживали ее за собой. Каждый новый хозяин Сторожи не упускал возможности потребовать у угорского короля неслыханных вольностей и привилегий, намекая на то, что опасный проход может ненароком и «открыться». Но всегда находился более сильный противник, стремительным штурмом или осадой захватывающий крепость на скале. После чего к королевскому двору мчались новые гонцы с новыми просьбами. С просьбами, больше похожими на ультиматум.

«Правильно все-таки делает мудрый Олекса, что всячески скрывает русскую Сторожу и хранит тайну проклятого прохода, – подумал Всеволод. – Иначе наши князья тоже натворили бы бед»

– На чьей бы голове не находилась угорская корона, Его Величество снова и снова стращали оборотнями-вервольфами и еще более жуткими тварями, пьющими человеческую кровь, как воду. Я говорю сейчас о нахтцерерах, блаутзаугерах или нахттотерах⁹, – поспешил пояснить тевтон. – В разных землях их называют по-разному. Трансильванцы именуют их стригоями, а вы, русичи...

– Упырями, – глухо произнес Всеволод.

Конрад кивнул.

– Пугали угорских королей и повелителем темного воинства Нахтриттером – Рыцарем Ночи, у которого тоже много имен: Шоломонар, Балавр, Черный Господарь, Черный Князь... Но суть в другом: все эти угрозы имели под собой реальную почву. Любой посвященный маг или колдун, в чьих жилах есть хоть капля крови Изначальных, действительно, мог вскрыть однажды уже взломанную и наспех залатанную границу. И тем самым вызвать новый Набег.

Постепенно эрдейская Сторожа перестала быть таковой и превратилась в средство давления на монарха. Грызня между вельможами, баронами и воеводами Трансильвании за господство над проклятым проходом не прекращалась. Шантаж усиливался. Разумеется, подобное положение дел не устраивало королевскую власть. Вот основная причина, по которой Андреаш Второй пригласил в Эрдей рыцарей ордена Святой Марии – надежных, не погрязших в местных дрязгах, знающих, как хранить границу миров и бороться с темными тварями, а главное – хорошо представляющих себе ужасные последствия Набега.

⁸ венгерская степь

⁹ названия вампиров в Германии. Нахтцерер – ночной похититель. Блаутзаугер – кровопийца. Нахттотер – ночной убийца

Глава 10

– Немецкие крестоносцы были настолько хорошо осведомлены? – скептически спросил Всеволод.

– Разумеется, – усмехнулся тевтон. – У каждого ордена имеются свои секреты. Наш – не исключение. Во-первых, орденские братья много странствовали, по крупницам собирая тайные знания. Во-вторых, рыцари неустанно истребляли зловредных колдунов и магов, огнем и каленым железом принуждая их открывать перед смертью самое сокровенное. В-третьих, орденские библиотеки постоянно пополнялись найденными в хранилищах чаротворцев колдовскими книгами, свитками и гремуарами ¹⁰, которые надлежало не бездумно сжигать, но при необходимости использовать во благо. Кроме того, случалось, что белый плащ с черным крестом надевали уже посвященные в древние тайны рыцари. Именно такой человек привел братьев ордена в Трансильванские земли.

– Кто он? – заинтересовался Всеволод.

– Мастер Бернгард, – с неожиданным благоговением произнес сакс. – Для нас он то же, что для вас старец-воевода. Ученейший муж, доблестнейший рыцарь, опытнейший управитель. Мудрец, изучивший великое множество трактатов. Воин, неустрашимый и неодолимый в бою. Магистр и член генерального капитула ¹¹ братства Святой Марии. Он по сию пору возглавляет нашу Сторожу, и, если Господу будет угодно, ты еще встретишься с ним.

– Дай то Бог... – вздохнул Всеволод.

– Бернгард занял старую крепость, на границе между мирами, – продолжил свой рассказ Конрад, – а после очистил окрестности от ведьм и колдунов, дабы в орденских комтурриях не оставалось ни единого человека, владеющего хотя бы малой толикой магической силы и способного открыть проклятый проход. Любое колдовство было запрещено под страхом смерти, а пришлых чародеев полагалось после пыток и дознания предавать очистительному пламени.

На месте древней цитадели мастер Бернгард выстроил новый замок. Большой и неприступный, способный отразить нападение с любой стороны и выстоять перед любым врагом, будь то люди или нечисть.

– Черный Замок... э-э-э... Серебряные Ворота? – уточнил Всеволод.

– Именно. Ворота, оберегающие проход между двумя обиталищами. Позже в Трансильванию прибыли другие орденские отряды и появились другие замки. Со временем порядок в эрдейском краю был наведен. Страх перед запорубежными тварями забылся. Дикая земля стала землей благословенной. В угорские комтуррии братства Святой Марии потянулись германские госпиты ¹². Крестьяне, ремесленники, благородное рыцарство. Семь основанных ими городов дали Трансильвании новое название – Семиградье. ¹³ Закипела торговля. Эрдей начал богатеть. И если бы не непонимание, возникшее однажды между Великим Магистром и королем Андреашем...

– Непонимание? – переспросил Всеволод. – Орден что, предъявил свои права на земли Залесья? Или отказался подчиняться угорскому королю?

Немец отвел взгляд:

– Скажем так... Андреаш Второй рассорился с орденом.

– Почему же?

¹⁰ трактат по черной магии

¹¹ Верховный совет, стоявший в иерархии тевтонского ордена выше гроссмейстера

¹² иноземные переселенцы, колонисты

¹³ Вообще-то, согласно некоторым источникам, переселение немецких колонистов из Фландрии и с Западного Рейна в Трансильванию началось в 12 веке – еще до прихода тевтонов

– Его Величество перестал видеть выгоду от союза с братством Святой Марии, – уклончиво ответил сакс. – И ордену пришлось покинуть Семиградье.

Всеволод понимающе кивнул. Видимо, приживала, поселившийся на правах бедного родственника, слишком быстро богател и обретал могущество, представляющее более ощутимую угрозу королевской власти, нежели волкодлаки, упыри и несговорчивые бароны вместе взятые. А может быть, постарались своевольные эрдейские князьки и воеводы, не желавшие видеть у себя под боком сильного конкурента, обласканного монархом, и настоявшие на разрыве отношений с орденом. Или Андреаш не устоял перед соблазном взять под свою руку умело налаженное тевтонами хозяйство. Кто их знает, этих королей? Хотя, скорее всего, сказались все причины сразу. Вслух, впрочем, свои соображения Всеволод высказывать не стал.

– Братство Святой Марии вскоре обосновалось в Пруссии, – продолжал Конрад. – Но один орденский замок все же остался в Семиградье. Самый первый – Серебряные Ворота. Преданные всем сердцем Бернгарду рыцари, каждый из которых к тому времени уже именем Господа дал пожизненный обет хранить проклятый проход, не подчинились ни приказу гроссмейстера, ни воле короля и не пожелали уходить с границы миров. Остались все, во главе с самим мастером Бернгардом. Более того, к воинам Серебряных Врат вскоре присоединилось немало прочих немецких рыцарей и валахи, чьи предки прежде хранили Сторожу. Бранко – один из них.

Захватить хорошо укрепленный замок с многочисленным гарнизоном не мог ни великий магистр, ни угорский король, ни трансильванские вельможи. А вскоре всем им стало не до Серебряных Врат. Власть в братстве Святой Марии сменилась. Мысли нового гроссмейстера были теперь обращены на покорение Пруссии и расширение владений ордена за счет польских, литовских и русских земель. Угорскую же корону надел сын Андреаша Бела Четвертый. И к тому времени у короля, его баронов и герцогов тоже появилась более важная забота – неумолимо надвигающиеся с востока полчища татар, слухи о которых уже будоражили Европу. Мы же исправно несли свою службу, храня этот мир и не вмешиваясь в мирские дела.

– Несли службу, будучи орденской крепостью? – спросил Всеволод.

– Да, мастер Бернгард по сию пору носит титул магистра Семиградья и комтура Серебряных Врат. Он по-прежнему считается членом генерального капитула тевтонского братства. Но это лишь суетные слова. Трансильвания находится слишком далеко от Пруссии и всего христианского мира. Здесь все иначе, все по-другому. Формально являясь частью ордена, мы практически не поддерживаем с ним отношений. Мы не подотчетны ни гроссмейстеру братства Святой Марии, ни угорскому королю, ни даже Святому Риму. Мы здесь одни. Мы – сами по себе. Нас считают надменными, несговорчивыми и непокорными. Таких не любят и помогать таким не станут. Поэтому в час беды – настоящей беды – мы можем рассчитывать лишь на помощь других Сторож. А беда пришла...

– Конрад, – Всеволод внимательно посмотрел на собеседника, – вы ведь не уберегли границы. Как такое могло случиться?

Щеки сакса побледнели. Дернулся кадык. Заходили желваки. Немец все же пытался сохранить внешнюю невозмутимость:

– Это недоступно моему пониманию. Незаметно проскользнуть к Мертвому озеру, воды которого скрывают порубежную черту миров, невозможно ни днем, ни ночью. На стенах замка всегда было полно дозоров. И под стенами – тоже. И вокруг. Сам мастер Бернгард проверял их неустанно. И вдруг, однажды, после заката...

Конрад сглотнул. Ненадолго утратив спокойствие, рыцарь все же быстро совладал с собой.

– Хорошо хоть тревогу подняли вовремя. И хорошо, что первыми шли вервольфы, а не полчища нахтцереров. Кровопийцы появились потом, когда мы были готовы. И они приходят

по сию пору. Проклятый проход в проклятом озере открывается каждую ночь, когда оба мира связывает единая тьма. Проклятая тьма! И каждую ночь мы отбиваем приступ за приступом.

– Бранко, – Всеволод вновь повернулся к проводнику, – а у тебя есть какие-то мысли на этот счет? Кто взломал порубежье? Почему?

Волох пожал плечами. Шевельнулись рукава накидки, связанные за спиной:

– Возможно, закрытая еще во времена румеев брешь прохудилась сама. Все-таки, на рудную границу Изначальных была положена разбавленная кровь их потомков.

Что ж, может быть. Но, кажется, волох и сам не очень верил в такое.

– Что еще возможно?

Проводник, подумав, осторожно ответил:

– Не так давно на земли Эрдея снова, как много веков назад, вступили бесчисленные орды с востока.

– Татары? – опешил Всеволод. – Думаешь, они?

Бранко покачал головой:

– Не они. Татары не добрались до Черной Крепости. Но границу могли взломать из-за них.

– Кто?

– В битве при Шойо (Битва на реке Шайо (Сайо) венгров и их союзников с татаро-монгольскими войсками имела место в 1241 году.) королевские войска потерпели поражение, – задумчиво и неторопливо отвечал Бранко. – Его Величество Бела Четвертый бежал на Адриатическое побережье – в Далмацию. Брошенную государем страну обуял пожар войны. Кочевники захватили множество городов и обложили данью целые области. В такой ситуации неминуемо отыщутся горячие головы, обезумевшие от бессилия и жаждущие мести. Причем, мести страшной и любой ценой.

– Кто? – повторил свой вопрос Всеволод.

– Разные ходят слухи, – Бранко склонил голову набок, словно как раз и прислушивался к чьему-то шепоту, – Чаще других говорят о шекелисах.

– Что за народ такой?

– Мадьярского племени.¹⁴ Эрдейская знать. Опытные и бесстрашные воины, издревле оберегающие рубежи Трансильвании. С воинственными и гордыми шекелисами прежде считался сам король. А ныне... Изгнанные из своих замков и вольных селений, разбросанные по горам и лесам, они лишились всего. Но шекелисы не приучены прощать обид. Многие из них посвящены в древние тайны и ведают о Мертвом озере и проходе в Шоломанчу. А среди посвященных всегда могут отыскаться сильные маги и потомки Изначальных. Остановить новых завоевателей с востока они не смогли, но...

– Кто-то пошел по стопам дакийского царя и его жрецов? – нахмурился Всеволод. – Новое проклятье? Новая кровь в озерные воды? Новый заговор из старых заклинаний?

– Возможно, – снова вслед за поднявшимися плечами волоха дернулись рукава его белой накидки. – Я повторяю – такое лишь возможно. Я точно знаю только одно: открыть заново пробитую однажды границу нетрудно. Для этого не нужно ждать года и века, как ждали порабощенные румеями даки. К тому же шекелисы хорошо знают эрдейские горы. Быть может, им удалось найти тайную тропу в обход замка-Сторожи или добраться до Мертвого озера пещерами – сквозь неприступные хребты. Так или иначе, но татары покинули захваченный Эрдей, не пробыв там и года. А ушли они оттого, что проклятые земли вновь извергают темных тварей Шоломанчи...

¹⁴ шекелисы или шекели – привилегированная военная аристократия в средневековой Венгрии, выходцы из кочевников-мадьяр, откочевавших из Приуралья, смешавшихся с тюркскими народами и под руководством вождя Арпада захвативших в 9 веке закарпатские земли

Звонкий переливчатый посвист прервал затянувшуюся беседу, вернув Всеволода к действительности. А действительностью была сейчас узкая лесная тропка, на которой растянулась длинная вереница конных дружинников. Посвист напомнил: до Залесья еще далеко, а дружина еще не выбрались из русских земель. Где, кстати, тоже следует держать ухо остро, если не хочешь сгинуть в пути.

А вот – снова свист. Передовой дозор подавал сигнал: опасность!

– К оружию! – крикнул Всеволод.

Нужды в его приказе, впрочем, не было никакой. Дружинники и без того уже вцепились мертвой хваткой в рукояти обнаженных мечей и ратовища копий. Воины Сторожи приготовились к бою.

Глава 11

Всеволод пришпорил коня и понесся, проламываясь сквозь густые колючие заросли, – вперед к дозорным. А разъезд уже возвращался – скакал навстречу.

– Засака впереди, воевода! – сходу доложил десятник Федор. – Навалено так, что ни обойти, ни объехать. И дружина при засаке немалая. Десятка четыре. А то и полусотня целая.

– Показывай, Федор, – приказал Всеволод.

Обернулся, махнул рукой остальным:

– За мной!

Далеко ехать не пришлось. Поднялись на заросший пригорок. А за ним...

Привстав на стремях, Всеволод разглядел завал из сучковатых бревен и стволов с разлапистыми корнями. Лесины лежали друг на дружке поперек тропы, между непролазных буграков. Не миновать никак...

Перед засакой – почему-то перед, а не за ней – суетились ратники в кольчугах и шлемах. Видать, тоже заметили чужаков – вон, уже сдвинули пару бревен, открыв узкий проход, и теперь спешно перебирались по ту сторону завала. Уводили коней, уносили оружие. Лишь с десяток воинов, вскочив в седла, направились к отряду Всеволода. Десяток – слишком мало для боя. Значит, едут для разговора. Или время просто потянуть хотят, пока вся засечная дружина не укроется за бревнами.

Всеволод оглянулся. Его сотня еще не подтянулась, так что атаковать сходу, всей дружиной не получится. Да и нужно ли оно? Хотят лесные стражи поговорить – так поговорим. А там уж видно будет.

– Э-гей! Кто такие? Пошто тайной тропой, аки тати лесные, пробираетесь? Куда направляетесь? Чего молчите? Кто за старшего у вас? – сразу насел с вопросами предводитель подскакавших всадников – пожилой воин с иссеченным шрамами лицом и длинными, свисающими ниже подбородка, седыми усами. Говорил грозно, по-хозяйски. Будто и не жалкий десяток за ним стоит сейчас, а добрая тысяча.

Всеволод тронул коня. Неторопливо подъехал к хорохорившемуся незнакомцу:

– Ну, я над этим отрядом главным буду. Зовут меня Всеволод. Только и ты уж представься, добрый человек, прежде чем допрос-то учинять.

– Прохор я, – недовольно буркнул седоусый. – Полусотник засечный.

– И что ж это за полусотня такая дорогу путникам ни с того ни с сего перегородила?

– Да мы-то известно кто, – процедил седоусый. – Брянского князя Романа Михайловича воины. Слышал, небось, о таком? Должен бы слышать, раз из его земель выезжаешь.

– Выходит, здесь брянские земли заканчиваются? – Всеволод снова глянул на засаку. Там, в узком проходе, все еще бестолково толкались бойцы Прохора.

Княжеский полусотник в это время не отводил глаз с поднимающихся по пригорку всадников в посеребренных доспехах. Считал. Тревожился. Понятное дело. Сотня – она все ж побольше полусотни будет. Ровно в два раза. Впрочем, держался Прохор вполне достойно.

– Кому брянские земли заканчиваются. А кому и начинаются. Но ты говори-говори, да зубы мне не заговаривай. Отвечай, чьих ратников с собой ведешь, куда и зачем. Или грамотку покажи проездную, да чтоб с княжьей печатью.

– Нет у меня грамотки, – вздохнул Всеволод, – А путь мы держим на закат, в угорскую сторону. Зачем, почему и откуда едем – то наше дело. Не серчай, но больше мне тебе, Прохор, сказать нечего. Зла мы брянским землям не причиняли, и причинять не намерены, так что пропустил бы ты нас подобру-поздорову.

– На закат? В угорщину едите? Эва как! – это известие, похоже, сильно озадачило брянского дружинника. Настолько сильно, что все остальное сказанное Всеволодом, он пропустил мимо ушей.

Всю воинственность с полусотника как рукой сняло. Прохор потянулся было почесать затылок, да пальцы наткнулись на сталь шлема.

– Мало кто нынче в ту сторону направляется, – задумчиво пробормотал седоусый ратник. – А вот бегут...

– И что, – вмиг насторожился Всеволод, – много сбегов?

Неужели и сюда уже волна докатилась?

– А кто ж их разберет – сбеги ли, не сбеги. Идут от соседей, чушь всякую несут. Народ почем зря баламутят рассказнями да нелепицами.

– Какими? – Всеволод аж подался в седле вперед. – Какими рассказнями?

– Да так, – Прохор махнул рукой, – разное говорят... Пугают нечистью, что, якобы, объявились в угорском королевстве и скоро, будто бы, до нас доберется...

Скоро? Как скоро? Всеволод с трудом слотнул сухой ком. Набег! Точно ведь Набег, о котором рассказывал Конрад! А они ведь только-только свою Сторожу покинули. Ох, не опоздать бы!

– Врут, конечно, песьи дети, – скривившись, продолжал брянский воин. – Или просто бродяжничают, бездельники, да ищут, где жизнь посытнее, или... Знамо ведь – любой сбеги, он и соглядатаем вражьем на поверку оказаться может. А что страху нагоняют небылицами своими, так это ж обычное дело – разжалобить хотят. А, может, и того хуже: запугать задумали, внести в доверчивые души сумятицу перед войной.

– Какой войной?

– Известно какой, – князья-соседушки вокруг – что волки ненасытные, а Брянское княжество – не из бедных все ж таки. Лакомый кусок-то. Да князь наш Роман Михайлович, будь он здоров и счастлив, тоже не лыком шит. Приказал вот все пути перекрыть, никого в свои земли не пущать, а всех подозрительных – задерживать для дознания.

Так... Не врал, значит, Бранко о заставах и засеках на дорогах и тропах. Да только не ведал волох, что засеки те, покуда он к Сокрытой Стороже пробирался, уже и в брянских лесах появились.

– Ежели сбегов специально сюда шлют, ежели хитрость это чья-то, – продолжал тем временем Прохор, – то не будет от нее проку. Ни киевлянам, ни волынцам, ни галичанам, ни тем же уграм. Вот Роман Михайлович разберется, кто недоброе против него замыслил, полки свои соберет, да сам как вдарит. Не по одним, так по другим. Не по другим – так по третьим.

– А если нет тут хитрости никакой и худого умысла? – осторожно спросил Всеволод. – Если сбеги, в самом деле, от беды спасаются?

– Ну-у-у, – недоверчиво протянул Прохор. – Тодыть мы подождем, да посмотрим. Коли, взаправду, лихо неведомое на Русь надвигается, так нас от того лиха леса родимые укроют, как не раз ужо бывало. Но и так, и этак рассудить – ни к чему народ прежде срока полошить. Незачем сбегов на брянщину пускать. В общем, с правильным разумением Сторожи князем на дорогах выставлены.

С правильным разумением? Всеволод только вздохнул. Эх-хе-хе... Сторожа Стороже рознь и далеко не от каждой польза прибудет. И прав, трижды прав мудрый старец Олекса, говоря о княжьих раздорах. Как таких правителей в единый кулак собрать? Как вбить в их бестолковые головы, что не друг друга сейчас сторожиться нужно? Ну да ладно... покуда князь козни один супротив другого строят, кому-то обиталище людское все равно спасать надо.

– Так ты нас пропустишь или как, а Прохор? – напрямую спросил Всеволод.

Полусотник оглянулся на засеку – там за поваленные лесины его воины заводили последних лошадей, и из-за бревен уже выглядывали лучники. Затем Прохор окинул взором сотню

серебрённых клинков и копий за спиной Всеволода. Видимо, еще раз прикинул соотношения сил. Замялся...

– Я, вообще-то, так разумею. У нас ведь приказ от князя не впускать никого в пределы княжества. А насчет того, чтобы выпускать – не было о том ничего сказано.

Всеволод улыбнулся. Уже лучше...

– Но с другой стороны и пропустить без ведома князя незнамо чьих воев... уж, не знаю можно ли. Так просто...

– А как можно? – поторопил Всеволод. – Скажи – обмозгуем. Только быстро. Недосуг нам под твоей засекой стоять.

– Да можно-то оно, пожалуй, можно, – Прохор снова потянул руку к затылку, снова отвел, наткнувшись на шлем.

– Говори ж ты, медведь тебя задери! – Всеволод начинал терять терпение. Отчего-то сдавалось ему, что задерживают их неспроста. Может, и не по князьему повелению вовсе, а по причине самодурства этого старого служаки, наделенного властью и рассматривающего лесную засеку как собственную вотчину.

– Эх, богатенькая у тебя, я смотрю дружина, – не без зависти пробормотал в ответ Прохор. – Эвон сколько серебра на себе везете. Только мастера никудашные ваши брони и клинки ковали. Дорогого металла извели уйму, а красы – никакой. Небось мошна полна, раз так деньгами сорите, а?

– Ясно, – Всеволод начал понимать, к чему клонит Прохор. – Сколько возьмешь за проезд?

– Ну... – полусотник улыбнулся, закатил глаза, что-то прикидывая, – чтобы своих робяток не обидеть и князя задобрить, ежели вдруг осерчает, за то что выпустил вас... скажем... гривенок этак... этак...

– Всеволод! – Прохора весьма невежливо оборвал подъехавший сзади Конрад. Сакс был явно чем-то озабочен. За тевтоном на своей вороной кобыле следовал Бранко. Волох тоже тревожно посматривает по сторонам.

– В чем дело? – нахмурился Всеволод.

– Воин один куда-то подевался, – Конрад заговорил по-немецки. Значит, таился от брянских дружинников. Хотел сказать что-то не для их ушей предназначенное.

– Какой воин? – Всеволод насторожился, спросил тоже – на языке германцев. – Наш?

– Нет – из этих, – Конрад мотнул головой на недовольного столь бесцеремонным вмешательством Прохора.

А в самом деле – из десяти брянских ратников, прискакавших вместе со своим полусотником – только девять теперь на виду. Одного – нет. Нигде. Действительно, странно...

– Может, по нужде отлучился?

– Пока вы здесь языками чешете, он кустами на тропу, по которой мы прибыли, пробрался. А после исчез. Что за нужда такая?

Так...

Всеволод повернулся к Прохору. Перешел на русский. И сразу – в лоб:

– Гонца послал? За подмогой?

Глава 12

Благодушное настроение торговца перед выгодной сделкой – как оказалось напускное – будто водой смыло. Перед Всеволодом вновь восседал в седле суровый и недоверчивый воин. Прохор недобро прищурился.

На вопрос не ответил. Спросил сам:

– А ты никак немца сопровождаешь, а Всеволод? По говору-то судя. И еще я смотрю, – Прохор кивнул на Бранко, – лях с ним какой-то. Или мадьяр? Или волох? У нас на Руси этаких диковинных одежд не носят. Лазутчиков, знать, иноземных бережешь?

– Лазутчики при тебе по-немецки говорить бы не стали. И наряда иноземного не надели б. Послы то.

– А коли послы, пошто грамотки проездной нет? Князь Роман Михайлович послам завсегда свою грамотку с печатью вручает.

– А не к твоему князю послы потому что направлены.

– Но по его землям едут...

– Прохор, слушай, добром прошу, – пропусти.

– И притом тайной тропой едут.

Понятно – не пропустит. Тянет время. Ждет, пока засеку перегордят. И гонцу, проскользнувшему в тыл Всеволодовой дружины, срок дает. Потому и речь – будто речка журчит. Журчит, да убаюкивает:

– Вот ежели бы ты, Всеволод, послов своих у нас погостить оставил. Пусть бы рассказали, по какой надобности в брянщине ездят так скрытно. Да поведали заодно, что за переполох такой в закатной стороне поднялся. Сказками всякими о волкодлаках и упырях баб пугать можно, а Роману Михайловичу потребно знать, кто за тем переполохом на самом деле стоит. Соседи-князья? Немецкий орден? Угорский король? Ляшские паны? Нет, правда, оставил бы послов здесь, а?...

Брянцы со всем снаряжением и конями были уже по ту сторону засеки. Только четверо ратников остались – снова подтаскивают к узкому проходу сучковатые бревна. Ежели дотащат, ежели закроят... Но нет, медлят – ждут, небось, своего полусотника.

Прохор быстро глянул через плечо на засеку. Повод – натянут. На одну сторону. Вот сейчас даст команду сопровождающим. Двинет и развернет коня сам. Всадники, прибывшие с полусотником, нервничают, посматривают назад. Кое-кто уже поставил лошадь боком. Будто бы ненароком, невзначай. Брянский десяток – десяток без одного человека готов к стремительному отступлению, чтобы после, под прикрытием завала...

Что ж, коли добром не получается... Больше времени терять нельзя.

Всеволод повернулся к ожидавшей за спиной дружине. Хотел приказать. Напасть... атаковать не запертую еще засеку. Смести с пути конный десяток Прохора. Разогнать сторожевой отряд за завалом.

Видимо, брянский полусотник смекнул о намерениях собеседника. И начал действовать сам.

Краем глаза Всеволод заметил стремительное движение. Это Прохор, обманчиво спокойный и неторопливый, нанес первый удар. Полусотник рванул из ножен меч. Размахнулся, желая перед отступлением срубить предводителя чужого отряда.

Не смог.

Оба клинка Всеволода выскочили из ножен столь же быстро. Нет – быстрее. Руки действовали прежде, чем разум успел осмыслить ситуацию. Заучено, быстро, неотвратимо и самостоятельно действовали. И лишь потому успели...

Подставить один меч с серебряной насечкой под секущий удар противника. А после – ткнуть заточенным острием второго под приподнятый подбородок. Да поверх бармицы на горле, да меж длинных, свисающих книзу седых усов.

Звон металла о металл. Хрип и стон брянского дружинника. И кровь – потоком на кольчатую броню, на конскую гриву. Прохор, выронив меч, навалился на шею коня, пальцы умирающего судорожно вцепились в повод. Медленно-медленно он сползал с седла.

Девять брянских всадников, надеясь отбить полусотника, набросились было на Всеволода и оказавшихся вблизи Конрада с Бранко. Но откатились еще до того, как подоспела на выручку сторожная дружина.

Потеряв еще трех воинов, брянцы погнали коней к заставе, где запорные лесины уже готовы были лечь посреди прохода.

Прохор, наконец, выпал из седла. Рухнул в лужу собственной крови.

– Вперед! – закричал Всеволод.

И по мечу – в каждой руке. Конем он правил сейчас по-татарски – одними ногами, набросив короткий повод на переднюю луку.

Дружина мчалась за воеводой. Вперед. Верно все понимала дружина. Спешить нужно, покуда узкий проход в засеке еще свободен.

Стрелы – десятка полтора – не больше, полетевшие из-за сучковатых стволов приняли на щиты, не сбавляя скорости.

Пришпоривая коней.

Догоняя вражеских всадников.

Быстро приближаясь к завалу...

Защитники засеки не удержались, положили-таки одно бревно поперек дороги, не дожидаясь своих. Однако, уложенное в спешке, оно тут же сорвалось с опрокинувшихся рогулек. Покатилось – прямо под копыта возвращающихся брянских конников.

Вышло все неожиданно. Двое бойцов Прохора на полном скаку рухнули вместе с лошадьми. Двое перемахнули через преграду. Еще двое натянули поводья, вздергивая коней на дыбы. Дружинники Всеволода останавливаться не стали. Налетели сходу. Настигли, нагнали. Свалили. Изрубили.

Следующими смели четырех воинов, так и не успевших водрузить в узком проходе вторую лесину и тем перекрыть путь нападавшим. Перескакивая через людей, лошадей и бревно, косо лежащее в проходе, сторожная дружина прорвалась через завал.

Сечи, как таковой, не случилось. Уже первый десяток, атакующих во главе с Всеволодом и при живейшем участии сакса и волоха, решил исход битвы. На той стороне лесная засека оказалась совершенно не приспособлена к обороне. Что, впрочем, вполне понятно: не обороняться там собирались, а нападения недругов ожидали оттуда. Вот и понавалили...

Между прямыми и корявыми древесными стволами, острыми сучьями, толстыми ветвями и путанными корнями наружной стороны засеки, ставшей по воле обстоятельств внутренней, одинаково трудно было двигаться и конному, и пешему. Но всадников, проникающих через узкий проход, становилось все больше. И каждый бился с особым мастерством сторожного воина. Около дюжины брянцев пали сразу – ранеными, порубленными, сбитыми и потоптанными лошадьми. Остальные, не выдержав натиска, искали спасения в непролазных буреломах по обе стороны лесной тропы.

Преследовать беглецов не стали.

Всеволод остановил свою дружину. Осмотрел. Среди его бойцов потерь не было. Незначительные раны, а также вывихи и ушибы, полученные при падении с седел – не в счет, а трех убитых стрелами и двух переломавших ноги в завалах лошадей заменил десятком лучших брянских коней. Уводили их с чистой совестью. В конце концов, если и повинен в том кто – так это Прохор. И во всем остальном тоже. Добром ведь просили пропустить. Ан, не послушал,

полусотник. Верность князю своему блюл. Хитрил, юлил, время тянул, а после – первым меч поднял. А чего добился? И брянцы эти его – нет, чтобы сразу убраться с дороги! Понадеялись, так их раз этак, на свою засечную крепостцу...

И-эх! Всеволод тряхнул головой. Погано все-таки было на душе: в самом начале похода против нелюдей пришлось проливать людскую кровь. Причем кровь своих же, русичей. Но вынудили ведь!

Он окинул тоскливым взором валявшиеся между лесин тела убитых врагов. Хотя, какие они там враги. Подневольные людишки, под мечи и копья глупо поставленные. Всеволод перевел взгляд на стонущих раненых. Помочь бы...

– Оставь, – подъехавший Конрад словно прочел его мысли. – Ими будет, кому заняться. Скоро гонец приведет подмогу с другой заставы.

– Перевязать хотя бы надо, – не согласился Всеволод. – Кровью ведь истекут.

– Не истекут, – тевтонский рыцарь всматривался в густую чащу, обступавшую засеку. – Их сбежавшие дружки где-то поблизости хоронятся. Мы уйдем – они вернуться.

Они вернулись раньше. Будто в подтверждение слов тевтона из-за деревьев справа вылетело две стрелы. Одна впиалась в вовремя подставленный щит. Другая нашла-таки жертву: вскрикнул и схватился за плечо ратник из десятка Луки. Видимо, кое-кто из брянцев, удивившись недавней трусости, решил поквитаться.

Вся сторожная дружина немедля поворотила коней на стрелы, к лесу, готовая к новому бою. Но...

– Куда?! – рявкнул Всеволод. – Щиты на правую руку! Уходим!

И первым вонзил шпоры в конские бока.

Ушли быстро. Ускакали, поймав щитами еще пару стрел. В самом деле, зачем задерживаться, если есть кому теперь хоронить убитых и врачевать раненых. Нет нужды задерживаться. Никакой совершенно. Иначе будет новая бессмысленная стычка, новая без пользы пролитая кровь.

И драгоценное время, потерянное понапрасну.

Ехали долго, не останавливаясь – опасались погони. Даже подстреленного дружинника перевязывали на ходу, благо, рана оказалась неглубокой: наконечник брянской стрелы наполовину застрял в доброй кольчуге двойного плетения.

Потом пробирались по границе между Киевским и Переяславским княжествам. Тоже двигались лесами – не такими уже дремучими, часто иссеченными наезженными трактами и приметными охотничьими тропами. Тут было проще – тут Бранко знал, где поставлены заставы и засеки, и как пройти, чтоб ни на одну из них не наткнуться.

Десна, указывавшая путь, вскоре слилась с широководным величественным Днепром. Затем миновали извилистую и узкую Рось-реку. А после и леса остались позади, и даже редкие рощицы как-то незаметно сошли на нет.

Сторожная дружина вошла в половецкие степи. Бескрайние, безлюдные и пустынные. Как и гоаорил волох.

Людей не встречали. Ни половцев, ни татар, ни угорских сбегов. Ни в первый день пути, ни во второй, ни в третий. Лишь однажды – уже изрядно отдалившись от русских границ, дружинники наткнулись на старые кострища. Да пару раз видели дымы у самого горизонта. Беженцы? Степные пожары? Поворачивать и проверять не стали – далеко слишком. И не по пути.

Спать теперь ложились, не снимая доспехов. Не ленились лишний раз, даже без особой нужды почистить серебряные насечки и накладки. Коней на ночь стогняли в центр стана, по кругу выставляли стражу. Менялись часто. Жгли огни – не таясь, много. Лихого человека в чужой степи не страшилось. А вот против нечисти костры хорошо помогают. Живое пламя столь же губительно для темной твари, как и серебро.

Не доезжая до древнего Маврокастронского порта Белогорода, на брошенных рыбацких лодках, что валялись по левому берегу, переправились через Днестр. Нистру – так назвал эту широченную реку волох Бранко. Земли же, что лежали за ней, волох поименовал Транснестрией¹⁵ и Бесарабией.

Переправа далась нелегко. Поклажу перевезли в плоскодонках без потерь, а вот коней уберегли не всех. С полдюжины животных так и не смогли одолеть водную преграду. Хоть и держали их с лодочной кормы за узду, да не удержали. Утопла несчастная скотина...

Дальше продвигались побережьем Русского моря¹⁶. Потом вышли к Дунаю – главной реке угров и всех окрестных земель. И вдоль Дуная – по границе Болгарского царства вступили в Валахию.

Вот там-то и началось...

¹⁵ современная Молдавия

¹⁶ Черное море

Глава 13

Как-то в ночь всех переполошил вой – далекий-далекий, протяжный, заунывный. Жуткий. Похожий на волчий, но лишь только похожий. А так – страшнее гораздо: кровь стынет, мурашки бегут, сердце сжимается и катится к пяткам. Эдаких волков Всеволоду слышать еще не доводилось.

А вой все висел и висел над степью, навевая смертельную тоску, вселяя ужас и беспокойя даже самые стойкие души. Хотя выл только один зверь – не стая.

– Вриколак, – негромко сказал Бранко.

– Вервольф, – прислушавшись, согласился Конрад.

– Волкодлак, – шептались дружинники.

– Торопиться нам надо, Всеволод, – после долгой паузы промолвил волох-проводник. – Раз уж сюда добралась нечисть... Слишком быстро расползаются твари по миру. Вриколаки – первые вестники беды. За ними придут стригои.

Волновались лошади на привязи.

В следующую ночь потеряли коней. Трех сразу. Стремительная утробно рычащая тень внезапно вынырнула из ночи, перемахнула через пригасшие сторожевые костры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.